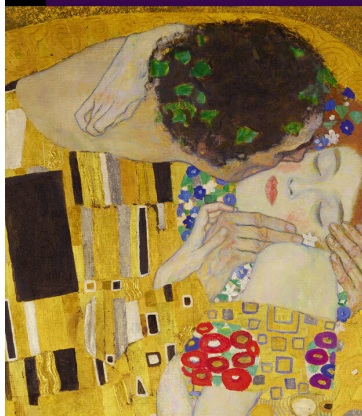

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

104
СТРАНИЦЫ
ПРО ЛЮБОВЬ

моя театральная жизнь

Эдвард Станиславович Радзинский

104 страницы про любовь

Серия «Эдвард Радзинский. Лучшее»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65801342

Э. С. Радзинский. 104 страницы про любовь: ООО «Издательство

АСТ»; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-137897-4

Аннотация

Я много лет пишу для театра, и давно усвоил грустную формулу: драматург пишет одну пьесу, режиссер ставит другую, а зритель смотрит третью... Разбирая эту третью пьесу, мы сможем многое понять не только о самой пьесе, но и о Времени...

Содержание

«А существует ли любовь?» – спрашивают пожарники	5
104 страницы про любовь	47
Часть первая	47
Часть вторая	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Эдвард Радзинский

104 страницы про любовь

© Радзинский Э. С., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

*** * ***

«А существует ли любовь?» – спрашивают пожарники

Он вышел из сутолоки вокзала и увидел пустынный прекрасный город. Было утро.

(А можно начать так: поезд, пробуждение под мерзкую музыку-побудку вагонного репродуктора, очередь в туалет, надвигающийся за окном город с нищими домами-коробками и унылой грязью... И лицо в заплеванном зеркале в вагонном туалете – помятое лицо. Овал лица – Обвал лица. И уже потом: «Он вышел из сутолоки вокзала и увидел пустынный прекрасный город».)

Было утро. Было раннее утро.

Он занял очередь на такси, и, радуясь, как ловко, расторопно он все сегодня делает, отправился звонить на студию. И сразу дозвонился.

– Диспетчер Андреева, – ответил голос.

– Я писатель.

– Кто вы? Говорите, пожалуйста, громче!

Он, как обычно, бестолково объяснил, что он – автор сценария, приехал на картину «Варенька» и что ему должна быть забронирована гостиница.

– Секундочку, – сказала женщина. – Пока, к сожалению, ничего. Но этим занимается Бродецкий. Позвоните через

час.

Он огорчился. Он загадал, что сегодня у него все будет ладно с самого начала. В последнее время от частых неудач он стал суеверен. Он позвонил Режиссеру домой.

– Алло! С приездом, парень! С гостиницей в порядке?

Он сразу понял, что Режиссер все знает, но ответил.

– Вот гады, – радостно сказал Режиссер. – Но вообще-то они не виноваты. Это сейчас на всех картинах такое положение с гостиницами. Конгресс какой-то.

– Я понял. Я – без гостиницы, но не потому, что не уважают твою картину.

– Парень, ты с какого года, ты с какого парохода? – засмеялся Режиссер. Эта идиотская фраза означала у него почему-то шутку.

Договорились встретиться через час. Он позавтракал и через час был на студии. В вестибюле его встречал юный брюнет с радостно-развратным лицом. Это был Второй режиссер Сережа.

– Конечно, нету?

– Но ждем его с минуты на минуту, – весело ответил Сережа.

Все было как всегда. Режиссер не спешил, да и зачем спешить? Все в порядке – автор приехал, куда теперь торопиться? Он не осуждал Режиссера – снимать картину трудно и надо экономить силы. Сейчас Режиссер завтракал дома и экономил силы.

– Гостиницу ищут, – счастливо сказал Сережа.

– И скоро найдут?

– Скоро, – веселился Сережа. – Сам Бродецкий... занимается.

И подмигнул. Самые обычные фразы он умудрялся проносить неприлично.

В вестибюль вошел еще один юный брюнет, постарше, но все с тем же хамовато-развратным лицом:

– Похудел, помолодел, зазнался!

Он с изумлением понял, что Сережин двойник обращался к нему. Откуда-то он знал этого типа. А может быть, и не знал. Может быть, просто видел в каком-то фильме. А может быть, и не видел. Может быть, даже тип его не знал. Здесь это было несущественно. Здесь была киностудия.

– Ну, как ты? – живо поинтересовался двойник.

– Я? Ничего.

– А вообще?

– Тоже ничего.

– Ну вот и хорошо.

И Сережин двойник сложил руки загончиком, поймал его голову, и они радостно расцеловались.

– Анекдот хочешь? Летят два кирпича с крыши. Один другому и говорит: «Что-то погода сегодня плохая». А другой кирпич отвечает: «Это ничего. Лишь бы человек попался хороший». Смешно. Говорят, ты что-то хорошее написал? Я не читал, но все хвалят.

– Спасибо.

– «Спасибо» в ж. не засунешь. Ты для меня когда написать думаешь? Мне нравится, как ты пишешь. Ты пишешь – с х. м. Напиши про тренера. Ты видел этот японский фильм?

– Видел, видел.

Он боялся, что брюнет начнет пересказывать японский фильм.

– Ну где же ты? Мы все тебя ждем, а ты тут ля-ля.

В вестибюль вошел Режиссер.

– Хорошо выглядишь, парень.

Режиссер выставил руки знакомым загончиком, поймал его голову, и они радостно расцеловались.

И тотчас перед Режиссером возник Сережа-первый.

– Сережа – мировой парень, – сказал Режиссер. – Но у него – хобби: ленив, болтлив и обожает удовольствия. Чувственен до озверения. Он у нас здесь – сектор сладкой жизни. – И добавил заботливо: – Что с его гостиницей, Сережа?

– Скоро будет. Бродецкий занимается.

Потом они помчались по бесконечному кругу-коридору. На этом чертовом круге все бежали, не забывая общаться на бегу. И Режиссер тоже общался:

– Здравствуй! Автор приехал. Вытащил в кои-то веки. Смотри, как выглядит – красавец! Еще бы! Проживает сейчас на юге в городе-курорте, бары, солнце утомленное, а мы с вами в таком климате живем – того и гляди снег пойдет... – и ему: – Главное сейчас нам с тобой переделать начало и ко-

нец. Здесь ты больше всего врешь. Ха-ха, отец, не обижайся. Здравствуйте!. Знакомьтесь. Автор – вытащил в кои-то веки На юге проживает. – ему: – Значит, о начале картины. Здравствуйте! А это – автор! Вытащил, живет на юге. Как Чехов, в ласковом солнце живет – вишь, какой кругленький, загорелый, а мы тут с вами на ладан дышим. Значит, о начале картины. Они у тебя знакомятся на эк... экс... на экс-ка... латоре. Слово дурацкое. Но вообще-то красиво: ночь, поднимается абсолютно пустой эк... скалатор, и на нем двое. Только двое. И вот уже он познакомился с ней.

Он познакомился с ней, когда учился в университете.

Она шла впереди него в густой толпе к эскалатору.

Он сразу удивился, как прекрасно она шла, будто танцуя. Он обогнал ее, оглянулся и обрадовался прелести ее лица. Он заговорил. Когда он заговаривал с незнакомыми девушками, они или торопливо хихикали, или отвечали независимо-грубо. Но при том и те и другие заботились о произведенном впечатлении. А она не заботилась... Он рассказал ей тогда какую-то историю, прекрасную историю, которую он где-то прочитал. Он тогда много читал. А она посмотрела на него круглыми зелеными глазами и сказала:

– А я этого и не знала.

Ему было с ней легко. Сразу легко. Он проводил ее домой, и она сама его спросила:

– Когда мы встретимся?

(– Я тебя пожалела тогда в метро, ты очень смешно выпя-

чивал грудь, когда подошел ко мне. И я сразу все про тебя поняла. Мне стало тебя жалко, потому что ты был совсем один. Один-один! А потом, когда ты меня проводил, уже не жалко. Потому что я подумала – ты и есть «кумир». – Она засмеялась. – Понимаешь, у девушки странная привычка кому-то поклоняться. И как раз перед тобою закончилась неудачная любовь. Как положено дуру, сначала девушка жить не захотела. Ну а потом воспряла духом, все косточки в порядок привела и дала себе слово со всеми «кумирчиками» завязать. Ха-ха-ха. Независимость и мужественность на повестке дня у девушки! И вот некстати появился ты.)

Но это все она говорила ему потом. И смеялась каким-то глупеньким смешком.

– Особенно мне не нравится ее первая фраза на эскалаторе, – продолжал наступление режиссер. – Понимаешь, это первая ее фраза! И она должна быть на сливочном масле!

Как все просто! Не будь тогда того эскалатора, и не было бы перед ним Режиссера, Сережи, этого безумного коридора и всей его нынешней жизни.

Они дошли до двери, над которой висела табличка с названием картины – «Варенька». В комнате их встретил все тот же Сережа, все так же оживленно-развратно беседовавший с молодой красавицей.

– Ты посмотри, – сказал Режиссер, – куда ни приду – всюду он! Только не в павильоне! Только не на работе!

Сережа весело хохотал.

– А это наша единственная, наша распрекрасная. Лебедь из сказки.

Девушка покраснела.

– Когда я прочел сценарий, сразу сказал себе: ну, кто может сыграть ее? Только она. А это – автор. На юге живет, купается, пока мы с вами над его сценарием уродуемся.

Вошла Женщина с никаким лицом.

– Ведите ее в павильон, через пятнадцать минут начнем.

– Платье для «Длинного дня»? – спросила женщина.

– Утверждаем.

И Актрису увели.

– Платье, конечно, хреновое, – сказал Режиссер Сереже. –

Но лучше они все равно не сделают. Но тебе на это... Ты все время болтаешь, болтаешь. Ну чего ты с ней болтаешь, все равно тебе она не даст. Лишь бы не работать!

Сережа заливался смехом.

– Для его жены я – жуткий тиран. Сережа говорит жене, что я его все время вызываю на ночные съемки.

Сережа умирал от смеха.

– Сережа, ты, по-моему, надолго здесь расположился, а зря: мы ведь с автором работать пришли. Ра-бо-тать! Я понимаю, ты забыл, что есть такое понятие.

Сережа умирал от смеха.

– Так что, Сережа, сыграй в человека-невидимку – кино про него смотрел? Про книжку не спрашиваю – здесь не читают книжек. Здесь – киностудия.

И Сережа исчез за дверь.

– Если три процента задуманного они выполняют – считай, ты счастливчик. Значит, о начале картины.

Режиссер походил из угла в угол, что означало раздумье. Он остановился у окна и зябко потер руки над батареей, как над костром, – это означало отчаяние.

– Жить не хочется и просыпаться ни к чему.

– Почему так?

– Остроумный вопрос. Ты на солнечном пляже, а я тут уродуюсь по две смены, пытаюсь воспроизвести то, что ты написал. Может быть, в повести это все как-то звучало, но когда мы начали снимать...

Это был ораторский прием. Каждый раз, когда Режиссер хотел что-то переделать в его сценарии, он начинал с трагической ноты. Это называлось «подавить противника».

– Соловейчик прочел сценарий и сказал: «Это ниже разговора». Соловейчик – петербургский интеллигент в десятом поколении. Ну, хрен с ним, с Соловейчиком. На сколько приехал? На сутки, конечно?

Вообще-то он приехал на два дня. Режиссер об этом знал, более того, они так и договаривались. Но ему вдруг стало отчего-то неудобно, и он промолчал.

– Значит, на сутки! Задержись. Работа нам предстоит с тобой большая. Речь идет о судьбе картины. В таком виде сценарий снимать нельзя. Нечестно, – режиссер кричал: – Работа предстоит огромная! – И добавил нежно: – Что ты

молчишь?

Он знал, что вся огромная работа сведется к тому, что Режиссер приведет его домой и, пылая от нетерпения, прочтет кусок текста, который сочинил сам, уже прочитал своей жене, и они с ней всласть насладились этим творением. Люди обожают заниматься не своим делом: комики пытаются быть трагиками, поэты – драматургами, драматурги – прозаиками, актрисы – играть мужские роли. Что ж тут особенного – Режиссер хотел писать.

– Что ты молчишь?

И еще он знал конец: устав от выматывающих споров, от заискивающих режиссерских глаз, от торопливых пришепываний его жены («Умоляю, верьте ему! Он талантлив! Мне неудобно об этом говорить, я жена, но он безумно талантлив!»), он подправит самые ужасные фразы и согласится со всем, только бы уехать из этого сумасшедшего дома назад – к морю и солнцу. И Режиссер будет провожать его на поезд, они зайдут в ресторан и после на прощанье будут объясняться у поезда в творческой любви.

– Что я предлагаю, – в руках Режиссера появилась папочка. – Ну, сначала о мелочах. Мне очень понравилась такая фраза, я ее услышал в автобусе, ты ведь редко ездишь в общественном транспорте. Значит, фраза: «Хоть плохонький, да свой». И еще: «Сiju одна и кукую». И еще третья фраза. Вот черт, склероз, забыл! Но это все мелочи. Теперь главное: я не требую авторских, но то, что я придумал для финала.

Когда я прочитал Вале. Ей плевать, что я муж, я слышу от нее иногда такие вещи.

– Я понял.

– Короче, мне неловко говорить, но словечко «гениально» замелькало, – режиссер засмеялся. – Итак, читаю новый финал нашей картины. Повторяю, авторских не требую.

И Режиссер замолчал.

– Ну и что же ты не читаешь?

В ход опять пошла батарея – Режиссер зябко потер руки над воображаемым костром.

– Короче: я все время думал, почему у тебя она погибла?

В комнату заглянул Сережа.

– Мы работаем! – бешено заорал Режиссер. Сережа исчез.

– Понимаешь, смерть, – это уже было доверительное шептанье. – Я пытался даже переставить эпизоды; всунуть ее гибель в начало, перед первой сценой на экска... экс-ка-ла-торе, проклятое слово. Я все делал. И тут я пришел к выводу, сейчас ты меня убьешь. – И Режиссер прокричал: – Она не погибла! Только сразу не отрицай!

Он молчал. И Режиссер, все еще не решаясь на него посмотреть, заговорил скороговоркой:

– Она осталась жива. Финал другой. Мне рассказали недавно эпизод. Фамилии не называем. Она изменила ему, а он ее любил, любил по-страшному. – У Режиссера в глазах были слезы, он легко возбуждался. – И когда он все узнал, ворвался к ней домой и ударил ее. И при этом любил! Смертельно!

И вот во время драки у нее задирается юбка. И когда он видит. Страсть! Бешеная! На грани безумия. В этом правда! Жестокая правда! Старик, какой эпизод! Они катаются по полу и... А потом опять лупят друг друга. А потом – опять. Дерутся и еб...ся! Бац! Бац!.. Какой эпизод! Вот что такое – «на сливочном масле!» Но я предлагаю другой финал – помнишь, они у тебя ссорятся перед финалом? И вот в результате бешеной ссоры они...

– Трахаются.

– Священная неясность, чувак! Два тела, точнее, тени-силуэты тел, и они не в постели, а в небе, они летят, как у Шагала, над домами, над миром! И только обнаженные руки, женская и мужская, тянутся друг к другу – но тщетно. В этом смысл того, что ты написал! А твоя катастрофа в финале – это по-детски банально! – режиссер развивал наступление. – И потому когда маразматик Соловейчик после читки задал вопрос: «Почему она погибла?» – я не мог ему ответить!

– Почему она погибла.

– Я не понимаю смысл этой смерти – это всего лишь сентиментальный Карамзин! А мне дай сливочное масло! Миры подавай! Не пойму – не могу снимать! Что ты молчишь?

Почему она погибла? И когда она погибла?

А тогда было только начало. Были просто солнечные дни, и ему нравилось, как она идет своей танцующей походкой, и как все оборачиваются ей вслед, и как она по-птичьи порывиста и радостно красива.

– Я не опоздала?

Она никогда не опаздывала. В крайнем случае, добиралась на микроавтобусах, на грузовичках, даже на поливальных машинах! Если в назначенный час у метро останавливалась какая-нибудь нелепая машина – это была она.

– Можешь меня чмокнуть в щечку. Нет-нет, чемоданчик не трогай. Я сама. Я потом как-нибудь нарочно устану для женственности и попрошу тебя понести. Что ты улыбаешься?

– Я не улыбаюсь.

– Нет, ты улыбаешься. У меня смешной вид, да? Просто у девушки в руках – два места: сумочка и пальтишко. Как я вышагиваю с тобой важно, ха-ха-ха! Нет-нет, чемоданчик не трогай!

Она боялась любой его помощи.

– Это не нужно девушке. Чтобы не смягчать. А то не заметишь и опять влопаешься в привязанность. А потом отвыкать трудно. Лучше подбадривать себя разными глупыми, грубыми словечками – опять же, чтобы не смягчать. А то хорошо мне – я плачу, плохо – реву, слезы у меня близко расположены, думаю я себе.

«Думаю я себе» – одно из выражений, которыми она себя «подбадривала». Другое – «ужасно».

По дороге ее посещали самые внезапные мысли, и тогда она вдруг вцеплялась в его руку и произносила, расширив зеленые глаза:

– Ужасно!

Но добиться от нее, что именно «ужасно», было невозможно. Она шла и молча шевелила губами – это она так беседовала сама с собой. А через несколько дней вдруг говорила:

– Знаешь, мне приснилось в ту ночь, что тебе стало плохо-плохо и ты остался совсем один, какой-то разорившийся, никому не нужный, «изгой», как говорит бабушка Вера Николаевна. И я тебя так жалею, ну до слез, а помочь почему-то не могу, не пускают меня к тебе. Представляешь, мы с тобой шли тогда – и я все это вдруг так отчетливо увидела!

Но все это она говорила ему потом.

В комнату весело ввалились все те же: Женщина с никаким лицом и радостный Сережа.

– Время, Федор Федорович!

Режиссер принял величественный, таинственный вид – такими, должно быть, бывают женщины перед родами.

– Пора в павильон! Со мной пойдешь или здесь над финалом подумаешь?

– Над финалом я думать не буду. Финал будет прежний.

– Парень, так не пойдет. Я прошу тебя о минимуме – другие вообще ничего не просят. Они просто не разговаривают с авторами, они их переделывают, – Режиссер распалял себя. – А я прошу! Я объясняю, почему меня жмет! Но ты...

Когда напечатали его повесть, некая критическая дама, существо некрасивое, естественно, умное и злое, сказала,

яростно улыбаясь:

– Милая повесть. Можно, конечно, писать и получше, но нынче это необязательно. Восхитительна главная героиня – она святая. Это своего рода новаторство. Последние удачные жития святых были написаны в пятнадцатом веке.

Он горячился. Ответил что-то обидное. Зачем? Она была не виновата. Она никогда не любила. И ее не любили... И оттого она была так яростно деловита и с такой страстью занималась уймой важных и серьезных вещей, которые в конечном счете оказываются такими неважными и несерьезными.

А она – любила. И поэтому повесть имела успех. Ему повезло с ней. Ему попалась прекрасная она. Это самое важное, если ты стараешься писать правду. А он тогда старался.

– Если хочешь знать правду – надо переписать полсценария! – кричал Режиссер, уже стоя в дверях. Чтобы весь коридор слышал, как он управляет с автором. И как он несчастен. – Скажи что-нибудь! Роди!

– Пошел к черту.

– Пошел сам! Я не буду снимать! Снимай сам это дерьмо! Говенный святочный рассказ! И справедливо об этом писали!

– Зачем ты тогда взялся снимать?

– Потому что нечего было снимать! Понимаешь: не-че-го! А хочется! А нечего! А надо! «Ам-ам» делать надо!

– Федор Федорович, в павильоне заждались, – нежно сказал Сережа. Он любил скандалы.

– Я прошу тебя, парень, – сказал Режиссер покорно и тихо, – постарайся меня понять. И не надо со мной ругаться! А то тебе что – отряхнулся и пошел, а мне снимать! Посиди, подумай, чувак. И приходи.

– Мы в седьмом павильоне, – сказал Сережа.

И все они пропали за дверью.

Эту историю он считал святой для себя. Он обещал себе не разрешать никому прикасаться к ней. И когда зазвонили телефоны с киностудий (это было ему приятно, этого он ожидал), он с достоинством отказывался. Чем больше он отказывался, тем больше разжигались страсти – таков был закон. Прошло несколько лет или несколько месяцев, как ему показалось (нет, по календарю все-таки несколько лет), и он забыл свое обещание и согласился. К тому времени он многое забыл из своих обещаний.

Дверь отворилась, и вошел Сережа. А может, и не Сережа. Может, двойник или тройник.

– Ну, как вы? – спросил лже-Сережа.

– Ничего.

– Ну, а вообще?

– Тоже ничего.

– Вот и хорошо. Наш просит привести вас в павильон. Пойдем... с заднего хода.

И засмеялся.

И он понял, что это все-таки был Сережа.

В год, когда они встретились, она окончила среднюю шко-

лу и не попала в институт. Она куда-то устроилась на работу (ему так и не сказала – куда). Потом он узнал, что она занимается велосипедом, побила какой-то рекорд, ее включили в команду и все время возили на сборы и на соревнования. Но тогда она ему ничего не говорила об этом. Она почему-то стеснялась велосипеда. Он видел только, что она все время куда-то торопится, улетает, прилетает и снова улетает. Так они встречались, торопились, и рядом всегда было расставание.

В павильоне Сережа оставил его у дверей и ринулся вглубь.

Огни были погашены. Режиссер сидел у камеры и страдал.
– Привел, – сказал Сережа.

Режиссер даже не обернулся.

– Сережа, где текст? Где его замечательный текст? Найди-ка эпизод «Длинный день».

Сережа протянул ему нечто грязное, исчерканное, и Режиссер углубился в чтение, иногда бормоча текст себе под нос.

В том самом их длинном году был их самый длинный день. День, когда они были счастливы.

Дай бог один такой день в целой жизни. У него был этот день, так что ему уже ничего не страшно. Или – все страшно после такого дня.

– Я не опоздала?

В тот день она подъехала на грузовике.

– Я с аэродрома. Грузовичок подвернулся.

– Почему ты никогда не смотришь мне в глаза? Ты что, стесняешься меня? До сих пор не привыкла ко мне?

– Я, да?

– Нет, я.

– Ха-ха-ха!

– Ты знаешь, у меня завтра весь день свободный.

– Весь, да?

– А ты, конечно, занята?

– Ой, не тяни так противно слова. Занята, не занята, все в порядке.

– Нет, ну если ты.

– Все! Все! Свободна, и хватит! Представляю, как ты устала от моей глупости.

– Девушка сегодня очень красивая, думаю я себе.

– Ха-ха, издеваешься, ну все, буду молчать.

Режиссер (все так же, не оборачиваясь) начал читать вслух сценарий:

– «Я, да?.. Нет, я. Ха-ха-ха!.. Весь, да?.. Думаю я себе».

Боже мой, идиотизм! Идиотизм!.. Что у нас потом?

– Эпизод «Ресторан»! – веселился Сережа.

– Знаешь, я сегодня решила удивить красотой любимого мужчину – сама завилась и, чтобы не испортить прическу, просидела в кресле всю ночь. Ха-ха! Я когда в хореографический ходила, у меня был точно такой же случай. Слушай, а я ведь хорошо танцую! Сходим в ресторан какой-нибудь?

Я хочу с тобой в ресторан.

– Актрису на площадку! – крикнул Режиссер.

– Актрису на площадку! – заорал Сережа.

– Репетиция со светом!

– Ставьте свет! – буйствовал Сережа.

– Столик не поменяли?! А я просил: поменяйте этот столик для ресторана! Поменяйте этот столик, похожий на гроб! Но у нас бессмысленно просить! – страдал Режиссер.

Они пошли тогда в «Прагу». Все было удачно – они выстояли очередь, заняли столик на двоих. Танцевала она божественно, и все ее приглашали, а она отказывалась.

– Давайте массовку! Танцующие пары! Массовка! – кричал Сережа.

– Не надо! Не надо массовки! Надо столик для ресторана сначала поменять! Если в следующий раз...

– Будет столик, – светло сказал Сережа.

– ...я повешу тебя тогда за твою верткую задницу!

На площадке появились несколько молодых людей крайне печального вида. Женщина с никаким лицом дала знак, и «танцующие пары» начали свой танец.

– Не надо сейчас танцев! Я должен сначала решить, что нам снимать! Говенный сценарий!

Говенный столик! Жизнь не удалась!

Печальные молодые люди танцевали.

Он хотел ее поцеловать, когда они танцевали, но она отвернулась.

– Я поняла, что ты делаешь это оттого, что я нравлюсь другим.

Она все всегда понимала. Они много танцевали в тот вечер, а потом перед закрытием она исчезла на десять минут, заявив, что пошла причесываться, и вернулась, сияя круглыми глазами.

– Все. Идем домой.

В кулаке у нее был скомканный счет.

– Это я для независимости, чтобы легче было потом от тебя уйти.

Потом они пришли, и наступила ночь.

– Уберите пары! Пары уберите!

– Ребята, стоп! – орал Сережа.

На площадку уже вывели Актрису – очередная женщина с никаким лицом вела ее за руку. Люди здесь опасно двоились.

– Мы начнем снимать, наконец? Я уже три часа на студии, – сказала Актриса.

– Если вы спешите – вам надо сниматься не у меня! Я не спешу! Эпизод «Ночь»! Пересъемка! Только ваш текст! Читайте текст, Сережа! У нас девушка спешит! Тишина в павильоне! Сережа! Я жду! Читаем вслух гениальный текст!

Сережа вынул очередной грязный ворох бумаги и объявил:

– Реплика автора: «Она безумно и страшно раздевалась».

– Как она раздевалась?

– Безумно и страшно.

– Дальше! Текст!

Сережа читал с выражением:

– «Только не засыпай! А то когда ты закрываешь глаза, я боюсь, что тебя нет, что ты умер. Я все время боюсь за тебя теперь. Нет, конечно, спи, ты устал. Ну конечно, спи! У меня такая к тебе сейчас нежность, до слез, до самой боли! Она шептала бессвязно, торопливо, слова сливались, она плакала».

– Что она?

– Плакала.

– Ага? а слова сливались. Дальше этот замечательный текст.

– «Помнишь, ты мне сказал, чтобы я за тебя молилась немножечко. Потому что у тебя какие-то важные дела происходят. Я помаливаюсь все время, чтобы дела твои были великолепны. “Молись за меня, бедный Николка”».

– Кто молишь?

– Бедный Николка.

– Дальше.

– «И такая к тебе нежность! И жжет напропалую!»

– Чего жжет?

– Напропалую.

Режиссер развел руками и опустил голову на руки.

Она безумно и страшно раздевалась. И потом уже шептала ему:

– Только не засыпай! А то когда ты закрываешь глаза, я

боюсь, что тебя нет, что ты умер. Я все время боюсь за тебя. Конечно, спи, ты устал. Ну, конечно, спи! У меня такая к тебе сейчас нежность, до слез, до самой боли! Помнишь, ты мне сказал, чтобы я за тебя молилась немножечко, потому что у тебя какие-то важные дела сейчас происходят. Я помаливаюсь все время, чтобы дела твои были великолепны. Ха-ха! «Молись за меня, бедный Николка». Представляешь, летим мы на соревнования, высоко – и молитва девушки ближе к небу... Нет, серьезно, я все время о тебе вспоминаю. Кажется, я все-таки впаду с тобой в рабство. Но ничего, когда это случится, сама уйду, вот увидишь. Ужас! Ужас! Ужас! И такая к тебе нежность! И жжет напропалую! А утром я всегда разговариваю с тобой. Ты улыбаешься?.. Ну-ка. – Она провела пальцем по уголкам его рта. – Меня не проведешь. Ну не надо. А ты заметил, что я стала меньше хихикать с тобой? Потому что есть закон: если два человека связаны и один из них смеется – другой в это время плачет. Потому что они – одно целое. Поэтому теперь я на всякий случай хихикаю поменьше.

– Ну и что будем делать? – сказал Режиссер.

– Это вы мне? – спросила Актриса.

– Это я небу, – сказал Режиссер.

– Федор Федорович, а может, снимем ее голой? – веселился Сережа.

– Не надо голой! Голой не надо!

– Но у Бертолуччи.

– Не надо Бертоллуччи! Бертоллуччи нам не надо! Что у нас дальше?

– Эпизод «Утро понедельника».

Утром он проснулся и сразу увидел ее. Она стояла у стены, на нее падало солнце, и он подумал впервые: «А я ее люблю».

– Ты не останешься?

– Ты хочешь, чтобы я осталась?

– Ну, если тебе нельзя.

– Ой, ну при чем тут можно-нельзя.

– Да, я хочу, чтобы ты осталась.

– Хочешь, да? Ну тогда я, пожалуй, останусь.

– Я придумал! – сказал Оператор. – Грандиозный переход к утру! Значит, утром он просыпается, видит ее. Так, да? – и он зашептал что-то на ухо Режиссеру: – Гениально, да? И сразу – парк.

– Главное – как можно меньше идиотского текста!

А потом был парк, жаркий весенний день, и она двигалась в этом солнечном дне. И солнце на его ладони, когда она по ней гадала, и солнце в уголке ее рта, и ощущение радостного, длинного, уверенного счастья, потому что тогда он еще верил, что самое настоящее счастье еще только будет. А думать так – тоже счастье!

Он целовал ее, а она вырывалась и все говорила:

– Не надо! Ну что хорошего!

– Сережа, я жду! Текст!

– Но вы же сказали – текста не надо.

Режиссер сумрачно посмотрел на него, и Сережа начал читать:

– «К вечеру они остались без денег. Дело было перед стипендией. Они сдали бутылки, сосчитали всю мелочь и купили колбасы, хлеба и пива», – здесь Сережа остановился и грозно заорал в мегафон: – Пиво-колбаса для эпизода!

– Куплено, куплено, – сказала Женщина с никаким лицом.

Сережа разочарованно продолжил читать:

– «Они пили холодное пиво. Луч заходящего солнца пробил маленькую комнату. Красный шар грозно стоял над домами, но прохлада уже спускалась на город».

– Так, – сказал Режиссер и начал прохаживаться вдоль стены. – Так.

На стене была народная надпись: «Начальник 2-го участка 3-го блока Вася – педораз». Народную мудрость Сереже было велено закрасить еще на прошлой неделе, но сейчас Режиссер ее не увидел – его посетило вдохновение.

– Так, – повторял он самозабвенно и обратился к Оператору: – Значит, он смотрит на нее, а она, как всегда, торопливо отвернулась. Он дотрагивается до ее щеки кончиками пальцев. Она, не оборачиваясь, медленно начинает тереться щекой о его пальцы. Потом она отодвинулась и...

– Здесь написано: «Она не отодвинулась», – радостно сказал Сережа.

Она не отодвинулась, а все продолжала касаться щекою

его руки.

– Знаешь, сегодня в парке я вдруг подумала: вот когда-нибудь мы станем с тобою старичками и будем вспоминать об этом дне. Глупость! Глупость! Ни слова умного не могу с тобой сказать! Что за черт! Без тебя я с тобою так лихо разговариваю.

В тот вечер – в самый прекрасный их вечер – она много плакала. Плакала, когда он целовал ее и когда шептал ей что-то. А он никак не мог понять, почему она плачет.

– Ну что ты... ну все ведь хорошо... ну что? Что?

– Не знаю. Мне хочется почему-то, чтобы сейчас был снег... и я нырнула головой в этот снег, и только ноги мои оттуда торчат... жа-алкие.

Потом она вдруг вскочила и забегала по комнате, смешно мотая головой, смахивая слезы и приговаривая: «Надоело, надоело».

Потом вдруг остановилась и добавила:

– Совсем сдает девушка, пора уходить от тебя.

– Прекрасно! – Режиссер торжественно обратился к Оператору: – Прекрасно! Все это фуффло, парк и все эти бутылки пива... всю эту муру.

– К черту! – догадливо сказал Оператор.

– Пива не надо! – прокричал Сережа.

А потом наступило их второе утро (утро понедельника), и самый длинный день закончился. Он не очень хотел ее провожать: ему нужно было идти в университет, и вообще. Ко-

нечно, он показал, что собирается ее проводить: снял плащ с вешалки.

– Нет-нет, не надо, я не хочу. Не хочу, чтобы ты меня провожал.

Он удивился. Он тогда еще не знал, что она чувствовала все, что происходит с ним. Потому что она его любила.

– Сережа, читай конец эпизода «Утро понедельника».

И Сережа начал читать – как обычно, с выражением – радостно издеваясь:

– «Она подошла к дверям, в дверях обернулась и засмеялась. Он так и запомнил ее – как она смеялась на фоне белой-белой в лучах солнца двери».

– Когда ты позвонишь?

– Я не люблю звонить. По телефону все равно ничего толком не скажешь.

– Ну а как же?

– А я дам тебе сигнал. Как захочу тебя повидать, так сразу и дам.

Солнце падало ей в глаза. Она вынула темные очки, надела их и засмеялась:

– А то поймут, откуда я иду.

– Не понял: зачем у него там эти очки? – сказал Режиссер. – «Я дам тебе сигнал» – вот конец эпизода. А потом она смеется.

– И мы сразу переходим на дверь, – подхватил Оператор. – На двери солнце, она долго жмурится. И – бац! – она уже

бежит по двору, как в этом японском фильме. И ее счастливый, прекрасный пробег по двору.

– Очков не надо! – объявил Сережа.

– Репетиция! – закричал Режиссер.

– Актеры, на площадку! – уже орал Сережа.

Вечером он вернулся в пустую квартиру и просто задохнулся от нежности. Он взял ее полотенце, почувствовал ее запах и понял, что сейчас заплачет. Он не представлял себе, как он мог желать утром, чтобы она скорее ушла.

Всю неделю он ждал, что она позвонит. Но она не звонила. И только через десять дней он увидел на лестничной клетке привязанный к перилам воздушный шарик.

А вечером она позвонила:

– Видишь, я не смогла не прийти. Я уже не могу делать то, что я хочу.

Они продолжали встречаться, но это были уже совсем другие, новые встречи. Он вдруг начал интересоваться, где она проводит время без него. И все время спрашивал:

– А где ты была вчера?

– Не важно, не важно.

Он узнал постепенно, что она уже не занимается велосипедом, ушла с курсов подготовки в институт и работает в Доме моделей манекенщицей.

– Хожу по язычку. Язычок – это место, где мы расхаживаем.

Он очень расстроился и начал страстно объяснять ей, ка-

кое это ужасное место – Дом моделей (хотя никогда там не был).

– Это вертеп!

– Я никогда, ничего не буду тебе рассказывать.

Он пришел в Дом моделей, уселся в заднем ряду, смотрел, как она выходила в ослепительном платье (туалет для новобрачных), и вдруг понял, что у них изменилось: пропала та счастливая легкость, та радость необязательности.

Теперь он хотел все знать о ней, и злился, и ревновал, если не знал.

Актрису опять вывели на площадку.

– Надеюсь, мне хотя бы в минуту съемки скажут, что говорить! Вы все время меняете текст!

– Милая, хорошая, добрая, забудьте, что у вас дурной характер и слушайте сюда! – кричал Режиссер. – Значит, идете, идете, идете от него! И вдруг у вас будто вырвалось: «Я тебя люблю!» И все! Поняли? Люблю! И все! И никаких его идиотских слов! Репетиция!

– Тишина! – заорал Сережа.

– Тишина, – повторили Женщины с никакими лицами.

– Мотор!

– Кадр 333, дубль 1.

– Я тебя люблю!

– Стоп! Нет! Нет! – страдал Режиссер. – Соберитесь! «Люблю» – это главное слово человечества! Это – глыба! Ради этого слова – все! Все предательства, все убийства, все

подвиги! Ну! Ну, родная! Соберитесь!

– Просто я хочу знать, где ты сейчас работаешь. Это естественно.

– В Доме моделей.

– Врешь! Вчера я случайно зашел в Дом моделей.

– А я все думаю себе: кто такой знакомый в последнем ряду.

– Но вчера мне сказали, что ты совсем ушла из Дома моделей! Мне наплевать, где ты работаешь, мне неприятно, что ты мне врешь!

– Есть такая передача – «Хочу все знать». Один мой знакомый называет ее «Хочу хоть что-нибудь знать».

– Меня не интересуют твои дурацкие знакомые с кретинскими фразами! Где ты проводишь дни? Где ты была, например, сегодня?

– Сегодня я ходила с одним человеком и покупала мыло его маме ко дню рождения. Он мой старый друг... и он попросил меня.

– Меня не интересует сегодня! Где ты вообще работаешь? Где? Где?

– На меня нельзя кричать, а то я уйду.

– Перестань паясничать! И перестань врать! Раз и навсегда! Я не хочу, чтобы ты... – он хотел сказать – «шлялась», – была черт знает где! Я не хочу слышать про твоих кретинских знакомых! Ты... ты...

Она тихо-тихо ахнула и зашептала:

– Как же? Ты что?

– Тишина!

– Попробуем еще раз снять!

– Мотор!

– Кадр 333, дубль 2.

И Актриса рванулась к камере:

– Я тебя люблю!

– Стоп! Назад! Еще раз! Съемка!

– Тишина в павильоне!

– Мотор!

– Кадр 333, дубль 3.

– Ну?!

Актриса не двинулась с места.

– Ну?! Ну?! – вопил Режиссер.

И, не выдержав, Женщина с никаким лицом истерически выкрикнула:

– Я тебя люблю!

– Стоп! Стоп!

Она плакала.

– Как же ты мог. Все правильно! Это мне за все! Ну конечно, если я с тобою, значит, я... Боже мой! Как ты обо мне думаешь! Спасибо! Будь я проклята! Спасибо тебе!

Ее било. Начался взрыв, рожденный из пустяка. Все, что накопилось, молчало, распирало, – рванулось наружу. Она плакала страшно, горько, она кричала.

– Я тебя люблю! Еще раз! Начали! Съемка!

- Тишина!
- Мотор!
- Кадр 333, дубль 4.
- Я тебя люблю!
- Кадр 333, дубль 5.
- Я тебя люблю!..
- Я тебя люблю!
- Я тебя люблю!!!

Он целовал ее, просил прощения и был счастлив, потому что понимал, что она его любит.

Она долго счастливо всхлипывала, потому что она тоже понимала, что он ее любит.

– Не буду я с тобою, клянусь. Сегодня мы в последний раз. Как же ты относишься ко мне? Ну что за дела такие! Все на меня кричат – мама, ты, бабушка Вера Николаевна, хоть удавись, честное слово!

Потом они лежали в кровати, и он спросил:

– Ну и где же ты все-таки работаешь?

Она засмеялась.

– Знаешь, что я сейчас вспомнила? В детстве мама меня наказывала – ставила в угол на коленки, на горох. Сколько я там простояла! Но зато так было хорошо, когда после всех слез мама меня прощала, и мы мирились. Помнишь, ты рассказывал что кто-то очень умный сказал... «Надо возделывать свой сад»... Каждый человек должен трудиться физически, только труд физический, тяжелый дает покой душе и

верную точку зрения на жизнь. А еще ты цитату мне сказал из Толстого, помнишь?

Он с ужасом вспомнил. Да, он разговаривал с ней как с собой, то есть попросту размышлял вслух, и оттого нес много бреда. Он забывал, что она ему верила, потому что думала: он знает. И еще он вспомнил, как однажды встретил ее в библиотеке Ленина с тетрадочкой под мышкой. Она попыталась спрятаться за колонну, но он извлек ее оттуда. Она все равно убежала, а потом объясняла:

– Я просто не была готова к встрече с тобой. Когда иду к тебе, мне надо немножко собраться. И вообще, я могу настаивать только на что-нибудь одно.

Вот тогда он узнал у нее и про тетрадочку.

– Я после твоих разговоров всегда иду в библиотеку и читаю все, о чем ты рассказываешь. И записываю все это в тетрадочку. Я таких тетрадочек много исписала, я всегда их на ночь перечитываю – умнею...

– Ну и где же ты работаешь? – спросил он почти со страхом.

– Только ты не смейся, слово?.. Нет, ты скажи, скажи!

– Слово.

– Я устроилась землекопом в Ботанический сад. Там бригада, прекрасные люди, цветы сажаем. Представляешь: весна, дымок от костров. Ты посмотри, какие у меня стали руки. Хочешь, потру о щечку? Чувствуешь? Чувствуешь?

Потом она обнимала его своими новыми, шершавыми ру-

ками, и он с ужасом сказал вдруг:

– Я тебя люблю.

– Ну что, единственная и прекрасная, ты можешь сыграть простую сцену: «Я тебя люблю»? Можно или нельзя? У тебя было что-нибудь подобное в жизни?!

Актриса молча ушла из павильона.

– Нахалка! – сказала Женщина с никаким лицом.

– Отдохнем! – сказал Режиссер.

– Федор Федорович, – сказал Сережа, – по-моему, ей не нравится парик.

– Перерыв для всех! – сказал Режиссер.

Погасли юпитеры, и Режиссер подошел к нему:

– Маска, я тебя знаю. Я нашел гениального актера на роль контролера.

– Какого контролера?

– Я тебе не сказал? После первой ночи они у тебя гуляют по парку, так вот. Представь: они заходят в комнату смеха, а там контролер... Да ты не бойся, это ничего не испортит, иначе все получается, как ты любишь – нестерпимо сентиментально. Кстати, почисти язык. Ты видел Актрису. Ну можно с таким лицом произносить все твои «влопалась», бессмысленные междометия, идиотски переспрашивать и хихикать?

Она переспрашивала, потому что волновалась, потому что...

– Кстати, эпизод с Ботаническим садом мы все равно не

успеем снять – ушла натура. Я его объединил с эпизодом в театральной кассе. Грандиозный эпизод! И то, что ей деньги не пришли, – это такая правда!.. И эти твои грустные грузины в кепках... Это на сливочном масле!

В Ботаническом саду окончился сезон, и она устроилась в театральную кассу продавать билеты. Она с энтузиазмом рассказывала покупателям о спектаклях, объясняла, рекомендовала – и около ее кассы толпился народ и разгуливали молодые грузины в огромных кепках, введенные в заблуждение ее общительностью. В кассе у нее случились денежные неприятности, и она вскоре уволилась. И целый ряд вещей навсегда исчез из ее гардероба.

– Как так можно? Представляешь, подходит женщина, интеллигентная, с ребенком на руках, и говорит, что ее обокрали, а ей надо лететь с больным ребенком во Владивосток. И что она мне оттуда тотчас же вышлет. Нет, как так можно. Разве ты не поверил бы?

Я ей отдала из выручки. А может быть, с ней просто случилось несчастье и она еще вышлет?

Но деньги не пришли, а так как адреса женщины она, конечно, не взяла, история эта осталась невыясненной.

– Кстати, я вспомнил ту реплику, – сказал Режиссер.

– Какую реплику?

– Ну ту, которую я хотел, чтобы ты вставил... Значит, она звучит так: «А существует ли любовь? – спрашивают пожарники». Хорошо, да? Почему смешно – непонятно, но хоро-

шо. Да, еще. Эпизод с плащом улетел. Очень сентиментально.

Да, еще с плащом. Наступила теплая осень. Она разгуливала – старое кожаное пальто через руку – в единственном оставшемся после театральной кассы туалете.

– Туалет – в нем куда хочешь: и во дворец, и на паперть.

Вся зарплата у нее уходила на бесчисленные мелкие подарки – ему, сослуживцам, маме. Она дарила ножички, торты, цветные клеенки, синтетических медведей, чай в коробках – и с трудом дотягивала до зарплаты. А в это время его важные дела наконец-то принесли результат – он получил премию за рассказ на конкурсе журнала «Огонек». Он решил сделать ей подарок. В университетском общежитии по случаю продавали белый французский плащ, и он с торжествующим видом принес плащ ей. И она заплакала.

– Как же ты мог! Неужели я такое ничтожество... неужели без французского плаща я – ничто? Я ведь с тобою без этого проклятого плаща. Не надо меня обижать, ладно? Слышишь? Не надо никогда меня обижать!

– Очень сентиментально, – сказал Режиссер. – Как ты это дело любишь. Но все это мелочи. А с главным-то я от тебя не отстану, парень.

И добавил весело:

– Почему она погибла?

– Как с гостиницей?

– Бродецкий занимается. Почему она погибла?

– Знаешь, я поступила в «Аэрофлот».

Там ее тоже очень уважали. Но она все чаще приходила печальная.

– Меня нет на свете! Что я есть, что меня нет – все равно. Я ведь абсолютно бесполезный человек. Я даже сходила в «Мосгорсправку». Я взяла о себе справку, чтобы удостовериться, что я – есть! Что ты молчишь?

В это время решались его важные дела, ему было не до нее, и он слушал все это невнимательно и вяло, давал какие-то советы. После его премии она начала читать все газеты от корки до корки, все искала статью о его рассказе. И все удивлялась и обижалась, почему не пишут о таком интересном рассказе, о таком выдающемся литературном событии – о третьей премии на конкурсе журнала «Огонек». Его рассказ она выучила наизусть и разговаривала с ним только цитатами.

– «На столе лежали два комочка – носки ребенка». Ха-ха! Комочки! Потрясающе! Комочки, комочки.

Однажды они шли по улице, она вдруг остановилась и сказала тихо и торжественно:

– Я чувствую – к тебе идут успехи!

Она и это почувствовала – в тот год у него было много успехов. Он все чаще встречался с ней днем, чтобы вечерами видиться с важными людьми. Люди эти прежде его не знали, и оттого, что теперь они его знали и даже встречались с ним, он пребывал в щенячьем восторге. Это древняя, достаточ-

но обычная и много раз описанная история. И она со своей страшной интуицией уже все чувствовала.

– Приветик! Я на секундочку к тебе, очень спешу! Да и у тебя, наверное, тоже делишки?

Так она теперь говорила, приходя к нему на свидание. Она ждала, он молчал. Он был ей благодарен, потому что в это время он уже познакомился с другой. Другая была очень красива, умна и великолепно училась в университете. И вот это совершенство его полюбило. Он так был потрясен случившимся, что не успел хорошенько разобраться, полюбил ли он. Впрочем, это подразумевалось само собой. И это тоже древняя, достаточно обычная и много раз описанная история.

– У тебя кто-то есть. Только молчи! Ты когда ко мне прикоснулся... после нее... – она засмеялась. – Я все поняла. Сразу. Я даже могу сказать, какого она роста. И какая у нее грудь. С интуицией у девушки все в порядке, это ей вместо ума. Как осязание у слепых. Ты не грусти... я была готова к этому с первого денечка. Девушка держала себя в мобилизационной готовности. Это тебе.

Она протянула ему открытку. На открытке было написано «С Новым годом», изображен счастливо-лукавый кот, а под ним стихи о том, что этот кот – бархатный живот хотел съесть мышек в серых пальтишках, но они от него ловко убежали.

– Кот – бархатный живот – это ты. С Новым годом, удачи

тебе! Я буду помаливаться за тебя.

Но и на этот раз уйти она не сумела. Он несколько раз встречал ее у своего дома – она тотчас перебегала на другую сторону. Он понимал, что она нарочно так делает, чтобы он пошел за нею. Но ему не хотелось, и он делал вид, что не замечает ее. Тогда она написала ему отчаянное письмо и попросила увидеться.

Было тридцатое декабря. Он уезжал в Крым, где они решили встретить Новый год вместе с красавицей студенткой. Когда она позвонила ему и, задыхаясь, нехорошо спросила, получил ли он ее письмо, он, неприятно мучаясь, попросил ее прийти на вокзал (только не к поезду, а к метро – за час до поезда).

У метро в назначенное время ее не оказалось, и он с облегчением тут же пошел прочь. Тогда она вышла из-за колонны в своем старом кожаном пальто. Она вдруг показалась ему совсем некрасивой, даже какой-то неряшливой.

– Я оказалась твоим рабом... так не хотела, но оказалась. Не дай Бог тебе узнать, что я пережила... ты не выдержишь. Но я надеюсь, что в мире справедливости нет – и все у тебя по-прежнему будет отлично. Потому что я хорошо отношусь к тебе! Я понимаю, ты сейчас хочешь, чтобы я побыстрее ушла... Ты – нормальный и оттого мало что можешь понять... А надо бы, ведь ты писатель. Я желаю тебе... Я желаю тебе... Я... Я...

Она говорила еще что-то ужасное, но все это показалось

ему тогда ненатуральным, истерическим, потому что тогда он ее уже не любил.

У поезда он встретил студентку-красавицу и толпу провожающих университетских знакомых. Купили шампанское и сорок минут провели около поезда в празднично падавшем снеге, в шуме и разговорах. Когда поезд тронулся, он стоял у окна и рассеянно смотрел во тьму сквозь падающий снег.

И тогда он увидел ее. Она стояла на самой дальней платформе, у самого края. Стояла, видно, долго, и на голове у нее выросла огромная снежная шапка. Когда поезд проходил мимо, она подняла руку и махнула вслед.

Больше она не звонила и не писала. Встретил он ее только однажды.

В павильон вернулась вся толпа – съемочная группа.

Зажгли юпитеры, и опять осветился этот гигантский тусклый сарай с беспощадно обнаженными стенами, похожий на катакомбы. И совсем немножечко на ад.

И группа в беспощадном свете стала толпою забавных бесов.

Увидел он *ее* через два года на аэродроме в Сочи. Он сошел с самолета и шагал к зданию аэровокзала, когда увидел ее. Она бежала навстречу по летному полю, размахивая спортивной сумкой. Она совсем не изменилась и снова была (как в тот летний день) радостной девочкой.

– Привет! – она сказала это так, будто они виделись только вчера.

– Как ты живешь? – тупо спросил он.

– Живу. В институт поступила. Ты когда-то очень хотел, чтобы я поступила в институт. Я даже о тебе подумала, когда прочла себя в списке.

Ее окликнул мужчина у трапа самолета.

– Тренер волнуется... я вернулась в спорт.

– Помнишь, тогда ты сказала на вокзале...

– Тогда – сегодня, сказала – мазала. Какое все это имеет значение? Все правильно. За грехи все это было, за никчемность. Жила гадко, для себя. А надо по-другому, милый. Видишь, сбылось: стоим мы с тобой как два старичка и беседуем. А ты, кстати, не изменился – совсем мальчонка в этих джинсах. Они тебе очень идут.

Тренер опять позвал ее.

– Тишина в павильоне!

– Мотор!

– Кадр 333, дубль.

– Я тебя люблю! – крикнула Актриса.

– Стоп!

– Надо идти. Удачи тебе!

– Послушай... – начал он. (Он уже не был тогда с красавицей студенткой.) – Послушай.

– Не надо. Все у тебя будет хорошо! Я ведь помаливаюсь за тебя – всегда. Я побежала. Побежала!

Она взбежала по трапу и, обернувшись, махнула ему рукой. И исчезла в самолете.

– Я все понял – почему не получается! Великолепная моя, это – ошибка! Несравненная, моя, это не надо снимать абстрактно! Будем снимать в его комнате! Осветите его комнату! Это утро! Там солнце!

И юпитеры осветили темную декорацию.

– Свет! Свет на дверь!

Господи, как все было похоже. Это был угол его комнаты, так же стояли стулья, и узкая кушетка у окна, и смешная фигурка на этажерке. И такое же солнце на стене – как в то утро самого длинного дня. Страшно подглядывать из будущего на свою прошлую жизнь.

Режиссер подошел к нему:

– Парень, придумай реплику к эпизоду «Утро понедельника». А то как-то глупо: она уходит от него, машет ему рукой – и все. Это от бедности. Помучайся! Надо что-то очень простое. Подумай, родненький, пока мы тут ставим свет. Напрягись немного, а завтра уедешь, и снова у тебя будет море, а мы останемся тут вкалывать за тебя. Но главное за тобой: почему она погибла?

Почему она погибла?

Она погибла уже тогда, на эскалаторе, когда он увидел ее в первый раз. Как там сказано: «Мы все убиваем тех, кого любим. Кто трус – коварным поцелуем, кто смел – клинком в руках». Но все мы убиваем тех, кого любим. Но Режиссер был прав: ее смерть он придумал в повести. Она попросту исчезла из его жизни. Он написал ей письмо, когда ему стало

совсем плохо, но она не ответила. Он очень удивился – он знал, что она не могла ему не ответить.

Он пошел к ней домой. Дверь открыл мужчина. И сказали коротко:

– Такие здесь не проживают. Они уехали в другой город.

Когда он возвращался, все вспоминал человека, отворившего дверь. Как странно был одет этот человек – в белой рубашке, перечеркнутой у горла старомодной черной бабочкой. Как посмотрел на него, будто давно его ждал. Как суетливо, страшно сказал про ее отъезд и как поспешно, будто боясь вопросов, захлопнул перед ним дверь.

– Такие здесь не проживают. Они уехали в другой город.

Наверное, это все ему показалось, но он никак не мог отделаться от ужаса и тоски. И еще он знал: если бы она была – она пришла бы к нему! Она почувствовала бы, что ему плохо, потому что она все всегда знала про него...

И тогда ему все чаще стало представляться шоссе в горах, пылающий день и стайка велосипедисток. И поворот.

Он видел, как она лежала, у парапета, видел луч солнца на ее виске и как кружилось колесо упавшего велосипеда.

Он даже знал, как потом пошел дождь, смывая кровь с шоссе. Он так часто все это видел, что поверил в это.

– Сейчас автор скажет нам реплику! Актриса и группа – все внимаем! Тишина в павильоне!

С тех пор он влюблялся в женщин, которые были на нее похожи (точнее, вначале были на нее похожи), – милая игра

в Синюю птицу.

– Ну, автор! Давай! – орал Режиссер. – Реплику! Любую!
В эпизод «Утро»! На ее уход! Реплику! Автор!

Он засмеялся и сказал:

– «А существует ли любовь?» – спрашивают пожарники.

104 страницы про любовь

Часть первая

Над сценой – светящаяся вывеска «Молодежное кафе “Комета”». В кафе. Два столика. За одним столиком сидит ДЕВУШКА. Она одна. На стуле стоит ее чемоданчик. На чемоданчике – букет в целлофановой обертке. За другим столиком – ПАРЕНЬ. И он тоже один. За сценой мальчишеский голос поэта читает стихи.

Мотогонки по отвесной стенке в Огайо

Мы – мотоциклисты —

Мчимся вверх,

Ввинчиваясь в стенку

Круг за кругом.

Над нами звезды,

А внизу – огонек у входа,

Так похож на червовую карту

Или – проще – на чье-то сердце.

А кругом почтеннейшая публика,

Как ей спокойно

Смотреть за пятиалтынный,

Как мчатся к звездам,

Круг за кругом,
Шальные мотоциклы,
Играя с судьбою в червовую карту.
А потом сердце у входа гаснет,
И публика расходится,
И ты говоришь мне немного устало,
Снимая со лба мокрый шлем:
– Придет время – мы станем толстыми
И будем смотреть,
Как другие мальчишки,
Круг за кругом,
Рвутся к звездам
По отвесной стенке.
Но пока.
Мы – мотоциклисты.

Поэт закончил читать стихи. Аплодисменты.

ГОЛОС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА КАФЕ. Мы обсуждаем стихи и песни «молодого, начинающего. и т. д. и т. п». поэта Жени Даля. Кто-нибудь хочет высказаться? Ну давайте, ребятки, в бой!

ДЕВУШКА (*за столиком*). Только два слова. Можно? (*Встала.*) Мне очень понравились стихи. Большое спасибо.

Смех, аплодисменты за сценой.

ГОЛОС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Еще кто-нибудь. Только помногословнее.

Молчание.

Ну, ребятки. Кто родил хоть какую-то идею?

ПАРЕНЬ. Я родил. *(Встает.)* Вы знаете... передо мной здесь выступала девушка.

ГОЛОС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Ваша профессия?

ПАРЕНЬ. Анкета необязательна. Я продолжаю. Вот передо мной здесь выступала девушка. Довольно необычная. Мне даже показалось, что она...

ГОЛОС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Не понял. Вы собираетесь обсуждать стихи или девушку?

Смех.

ПАРЕНЬ *(тоже усмехнулся, невозмутимо)*. Нет. Стихи я обсуждать не буду. А девушка мне понравилась. Все.

Смех, аплодисменты.

ГОЛОС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Ясно. С идеями у нас не густо... По этому печальному случаю предлагается радостная врезочка в наш вечер. Прошу!

И тотчас женский голос за сценой запел песенку. А парень преспокойно подходит к столику, где сидит девушка, снимает со стула ее чемоданчик, аккуратно укладывает на чемоданчик ее цветы и садится рядом.

ДЕВУШКА *(даже задохнулась)*. Ну!..

ПАРЕНЬ. Да, такие шутки я ценил в средней школе. Думал, что вырос. Как видите – нет.

ДЕВУШКА. Но это... но... на нас все смотрят!

ПАРЕНЬ. Несущественно. Кстати, стихи довольно дрян-

ные. Вам всегда нравятся дрянные стихи?

ДЕВУШКА. А может быть, этот товарищ писал их от чистого сердца? Может быть, у него просто не получились хорошие?

ПАРЕНЬ. Тоже довод. Вы, видно, очень чуткая девушка?

ДЕВУШКА. А вы очень пристающий товарищ.

ПАРЕНЬ. А вам нравится, что я к вам пристаю. Красивые девушки тщеславны. У вас сегодня целый вечер будет чудесное настроение.

ДЕВУШКА (*засмеялась*). Вы... веселый товарищ.

К столику подходит спортивного вида, тщательно одетый ОЧКАСТЫЙ ПАРЕНЬ.

ОЧКАСТЫЙ (*дружески*). Привет.

ПАРЕНЬ (*сухо*). Салют.

ОЧКАСТЫЙ (*обескураженный его тоном*). Ну, я к тебе лучше потом подойду.

ПАРЕНЬ. Да, лучше потом.

Очкастый уходит.

ДЕВУШКА. Это ваш знакомый?

ПАРЕНЬ. Это мой знакомый. Что же это вы одна?

ДЕВУШКА. Одна – не одна. Не все ли равно?

ПАРЕНЬ. Не все. Я боюсь, что к вам сейчас кто-то придет.

ДЕВУШКА. Чепуха какая. Я просто с аэродрома, ужасно проголодалась и зашла. (*Махнула рукой.*) А! Все это не важно. Часто вы так пристаёте к девушкам?

ПАРЕНЬ. Часто.

ДЕВУШКА. Не надоело?

ПАРЕНЬ. Нет. Людям моложе ста двух лет свойственна вера в «необыкновенную встречу». Без этой веры можно было бы умереть от скуки. Идет по улице человек. Упал и умер. Все думают – он от инсульта. А он – от скуки.

ДЕВУШКА (*засмеялась*). Вы невероятно веселый товарищ.

ПАРЕНЬ. Вы уже два раза об этом сказали.

ДЕВУШКА. Вы грустный?

ПАРЕНЬ. Да, я пессимист. (*Чуть насмешливо, чуть серьезно.*) Иногда вдруг отчетливо понимаешь, что жизнь проходит. И довольно быстро. Люди смешны. Вот если потерял деньги – огорчусь. А каждую секунду мы теряем секунду жизни. И ничего, не замечаем.

ДЕВУШКА. Да. Вы очень странный.

ПАРЕНЬ. Товарищ.

ДЕВУШКА (*опять засмеялась*). Вот именно, товарищ.

ПАРЕНЬ (*встал, перенес бутылку вина со своего столика*). *Выпьем. По поводу моей странности.*

ДЕВУШКА. А зачем?

ПАРЕНЬ. Только не надо ханжить, хорошо?.. Кстати, это сухое вино.

ДЕВУШКА. Сухое – мокрое, не важно. Терпеть не могу, когда меня кто-то угощает.

ПАРЕНЬ. Хотите оставаться независимой?

ДЕВУШКА. Хочу!

ПАРЕНЬ. Проблема. Ну что ж. Будем пить как мужчина с женщиной. Кончим эту бутылку – вы купите следующую. Подходит такое решение?

ДЕВУШКА (*отважно*). Подходит.

ПАРЕНЬ. Ну вот. А теперь поехали?

ДЕВУШКА. Поехали.

Он наливает.

(*Торопливо.*) Только немного. А то я рано утром опять улетаю.

Парень засмеялся.

Чего вы смеетесь?

ПАРЕНЬ. Так. Значит, то прилетаете, то улетаєте? Веселая у вас жизнь. Где же вы работаете?

ДЕВУШКА. «Где», «что» – кому нужны эти уточнения! И вообще. А! Вы все равно этого не поймете.

ПАРЕНЬ. Я отлично понял.

ДЕВУШКА. Что же вы поняли?

ПАРЕНЬ. Человек – не тот, кто он есть на самом деле, а тот, кем он мечтал стать. Просто в силу тех или иных причин часто что-то не получается в жизни. А вот встретишь незнакомого человека – и ничего он о тебе не знает, и ты можешь держать себя с ним так, будто все у тебя вышло. С незнакомыми людьми легко. Вы это хотели сказать?

ДЕВУШКА. Что ж, вы... понимаете.

ПАРЕНЬ (*так же*). Вам со мной легко?

ДЕВУШКА. А! Ерунда! Просто вы мне попали под на-

строение (*засмеялась*).

ПАРЕНЬ. Часто смеетесь. Вам, наверное, кто-то сказал, что у вас красивый смех. А он у вас довольно глуповатый.

ДЕВУШКА. Ну!..

ПАРЕНЬ. Простите, сорвалось.

ДЕВУШКА. Нет, это даже хорошо. Я люблю людей, которые говорят то, что думают.

ПАРЕНЬ. Налить?

ДЕВУШКА. Как мужчина мужчине. Вообще, правда, я сегодня часто смеюсь. Вы знаете, я заметила, есть какой-то закон: если плачешь, всегда потом будешь смеяться. И наоборот. Вот однажды я плакала два дня подряд. Мне это так надоело. И вот на третий день я решила: буду смеяться – и все! И целый день ходила и смеялась сквозь слезы, как идиотка. А! Странно. С той минуты, как мы познакомились, трещим, трещим.

ПАРЕНЬ. И все равно мы ничего не сможем сказать друг другу.

ДЕВУШКА. Знаете, это тоже правда. Я тоже об этом часто думаю. Хорошо бы все люди лет на пять замолчали. Вот тогда у всех-всех слов появился бы снова смысл. Непонятно? Вот когда я думаю – понятно, а говорить не умею. Юморчик один. Что вы так на меня смотрите? Вообще, что вы все время улыбаетесь?

ПАРЕНЬ. Так.

ДЕВУШКА. Так, да?.. (*Чтобы что-то сказать.*) У ваше-

го знакомого очень грустное лицо. Нет, но почему вы все-таки улыбаетесь?

ПАРЕНЬ. Так.

ДЕВУШКА. Так – не так. Я ненавижу, когда улыбаются. Вы... вы просто мне попали под настроение.

ПАРЕНЬ. Нет. Я вам понравился. Еще когда там сидел и на вас смотрел – уже понравился. Да?

ДЕВУШКА. А! Да – не да. Чепуха все это.

ПАРЕНЬ. Понравился?

ДЕВУШКА. Нет. Ну понравились! Ну и что с того! Мало ли кто мне нравится.

ПАРЕНЬ. На будущее. Мы постараемся говорить друг другу только правду. Этого еще никто не сумел. Идет?

ДЕВУШКА (*засмеялась, потом спохватилась и... опять засмеялась*). Буду смеяться своим глуповатым смехом. Кстати, неплохо бы узнать, как вас зовут.

ПАРЕНЬ. Неправда первая. Вы давно хотите, чтобы я вам сказал это. И вас ужасно бесит, что я молчу. Да?

ДЕВУШКА. Нет!... То есть – да.

ПАРЕНЬ. Как вас зовут?

ДЕВУШКА. Наташа.

ПАРЕНЬ. А меня – Евдокимов.

ДЕВУШКА. Как?

ПАРЕНЬ. Евдокимов. Я люблю, когда меня называют по фамилии.

Заиграли танго.

Вам очень хочется, чтобы я вас пригласил сейчас танцевать?

НАТАША. Нет. То есть хочется. Ну хочется. Что тут особенного? Я люблю, когда меня приглашают танцевать, вот и все.

Они танцуют.

Давно не танцевала. Не надо. Не смотрите на меня все время. Мы сегодня будем здесь недолго, хорошо?

ЕВДОКИМОВ. Плохо. Когда мы с вами встретимся?

НАТАША. Не знаю. Завтра я, возможно, улетаю. Завтра или через несколько дней.

ЕВДОКИМОВ. Вы не улетайте завтра. Улетайте через несколько дней.

НАТАША. Это от меня не зависит.

ЕВДОКИМОВ. Все зависит от нас. Если вы очень захотите.

НАТАША. Вообще, действительно все зависит от нас.

ЕВДОКИМОВ. Так вы хотите встретиться со мной завтра?

НАТАША. Ну, ладно. Хочу! Ну и что с того? Ну почему вы все время смотрите. А!

ЕВДОКИМОВ. Здорово у вас звучит это «а!».

НАТАША. Это раньше, когда мне мама что-нибудь неприятное говорила, я всегда хмыкала. Потом мы решили покончить с хмыканьем, и я ей теперь на все неприятное говорю «А!» Ну не смотрите на меня все время!

ЕВДОКИМОВ. Буду смотреть. Здорово, что вас зовут Наташа.

НАТАША. «Здорово», да? Почему «здорово»?

ЕВДОКИМОВ. Не знаю. Здорово – и все!

НАТАША. Чепуха какая. Ну не смотрите на меня так.

ЕВДОКИМОВ. Буду. У вас невероятные глаза. У вас желтые глаза. У вас, наверное, лучшие глаза в СССР.

НАТАША. Желтые, серые, зеленые. *(Вдруг кокетливо.)* Вот один человек называет меня лучшей девушкой Москвы и Московской области.

ЕВДОКИМОВ. Он дурак. Вы лучшая девушка в СССР.

НАТАША. Не надо смотреть.

ЕВДОКИМОВ. Буду. *(Тихо.)* Вы хотите, чтобы я вас поцеловал.

НАТАША. Нет!.. То есть. А! Хочу – не хочу... Нет... это кошмар какой-то.

Одинокий столбик с шашечками. Надпись: «Стоянка такси». Прямо на тротуаре, под столбиком, сидит ПАРЕНЬ. Он что-то чертит в записной книжечке.

Подходят ЕВДОКИМОВ и НАТАША.

НАТАША *(парню на тротуаре)*. Простите, вы на такси?

ПАРЕНЬ *(с достоинством)*. Нет, я на троллейбус.

НАТАША. Разве еще ходят троллейбусы?

ПАРЕНЬ. В час двадцать «букашка» по кольцу. Таксистов подбирает.

НАТАША. Сколько сейчас?

ПАРЕНЬ (*услужливо*). Двенадцать сорок.

НАТАША. Мне осталось спать шесть часов.

ЕВДОКИМОВ чуть обнял ее. Она отстранилась.

ЕВДОКИМОВ. Ты не бойся. К часу ты будешь дома.

НАТАША. Я не боюсь — ты сам не бойся.

ЕВДОКИМОВ. А знаешь (показывает на виднеющийся силуэт дома), это мой дом.

НАТАША (*будто не слыша*). Ну ни одной машины. Вот всегда так, когда тебе нужно что-нибудь позарез.

ЕВДОКИМОВ. А вон мое окно. Шестой этаж, первое справа.

НАТАША (неловко, чтобы что-то ответить). У вас темно.

ЕВДОКИМОВ. Просто нет никого в квартире. Я там один сейчас живу.

Молчание.

ПАРЕНЬ. Прости, закурить не найдется?

ЕВДОКИМОВ. Найдется. (Передавая сигарету, взглянул в записную книжку парня.) Мыслишь? Не так уравнение написал, Топтыгин. (Наклонился, что-то черкнул в записной книжке парню.)

ПАРЕНЬ. Понял. (*Доброжелательно.*) Стрельни мне еще сигарету, про запас.

Евдокимов протягивает сигарету.

(Словоохотливо.) Начал боксом заниматься, выбросил сигареты. Смех: девушку проводишь, пока сидишь здесь,

ждешь «букашку», так закурить разбирает – обязательно согрешишь. Ничего, с понедельника начнем жизнь сначала.

ЕВДОКИМОВ. Ага. Пятьдесят процентов людей каждый понедельник начинают жить сначала.

Появляется веселый ГРАЖДАНИН с цветком георгина.

ГРАЖДАНИН. За Саврасушкой очередь, ры-бочки мои, воробушки? Кто последний?

ЕВДОКИМОВ. Мы.

ГРАЖДАНИН. Все Саврасушки в парк едут. Храп-храп делать. Да здравствует ночь – друг молодежи. Ночью нахально блеснят скамейки и по пустым улицам пощелкивают каблучки. «А я усталый старый клоун, и в испуге даже дети убегают от меня». (*Строго.*) О прекрасная наша молодежь! Вы не подумайте, что я пьян. Не подумали?

ПАРЕНЬ. Ну что вы.

ГРАЖДАНИН. Просто я – балалаечник. Представляете, в двадцатом веке быть балалаечником? Ужас. Каждый вечер я порчу настроение современной публике. Трагедия. Ну можно быть после этого трезвым? Ведь правильно? Ведь точно?

ПАРЕНЬ. Несомненно.

ГРАЖДАНИН. А я трезв. (*Вынимая из-под пальто четвертинку.*) Малыш еще не начат. (*Парню.*) «Бип-бип-бип, я Земля, ищу спутника».

ПАРЕНЬ. Нет, мил человек, поздновато.

НАТАША (*Евдокимову*). Всегда так, когда машина нужна позарез.

ЕВДОКИМОВ. Есть предложение.

НАТАША. Не надо никаких предложений.

ГРАЖДАНИН (*Евдокимову*). Можно к вам обратиться?

ЕВДОКИМОВ. Нет, нельзя.

ГРАЖДАНИН. А я нарушу и обращаюсь. (*Протягивая Наташе цветок.*) Возьмите этот георгин. Как дань восхищения.

НАТАША. Спасибо. (*Вынимает из чемоданчика яблоко.*) А вы возьмите яблочко. Очень хорошее, из Ташкента.

ГРАЖДАНИН. Прекрасно. Вся история человечества началась с яблока. Прекрасно. Вы добрая. А он злой. Вы от Чернышевского. А он от Достоевского. Я тоже добрый. А мир не приемлет доброту. Вот я говорю: «Дайте мне большое, чистое, настоящее». А мне отвечают: «Возьмите слона и вымойте его в ванне». Вот тебе большое, чистое, настоящее. Уйти из мира, рыбочки мои, воробушки?

ПАРЕНЬ. Сделайте одолжение.

ЕВДОКИМОВ (*тихо*). Слушай, Наташа.

НАТАША. Нет, нет!

ЕВДОКИМОВ. Ну перестань. Пойдем ко мне, и от меня вызовем такси по телефону.

НАТАША. Я не спешу!

ЕВДОКИМОВ. Ну, пойдем. Ты с трудом держишь этот чемодан. Я все могу вытерпеть в жизни, только не ханжество! Ведь днем ты бы пошла?

НАТАША. Но я не спешу.

Шепотом, бессвязный разговор.

ЕВДОКИМОВ. Ты спешишь.

НАТАША. Нет.

ЕВДОКИМОВ. Боже мой, вызовем по телефону. Я прошу...

НАТАША. Не надо!

ЕВДОКИМОВ. Ну, по телефону. Идем!

НАТАША. Идти, да?

ЕВДОКИМОВ. Да, туда.

НАТАША. Туда идти, да?

ЕВДОКИМОВ. Туда.

И они уходят.

ГРАЖДАНИН. Тысячелетняя поэма. И он увел ее, как Ромео увел Джульетту, как Фауст увел Маргариту, и еще кто-то увел еще кого-то. Ведь правильно я говорю, ведь точно?

ПАРЕНЬ (*равнодушно*). Несомненно. ГРАЖДАНИН. Эй, таксист! Саврасушка! Саврасушка! (*Бросается за проезжающей машиной.*)

Квартира Евдокимова. Очень пустая комната. НАТАША и ЕВДОКИМОВ.

ЕВДОКИМОВ (*говорит по телефону*). ...Дом семь, квартиры пять.

ГОЛОС ИЗ ТРУБКИ. Когда нужна машина?

ЕВДОКИМОВ. Сейчас.

ГОЛОС. Заказ пятьдесят семь. Позвоним в течение часа.

Евдокимов вешает трубку; смотрит на Наташу. Она сидит не раздеваясь, в плаще, на краешке кресла.

ЕВДОКИМОВ. Конфеты на столе.

НАТАША. Спасибо.

Молчание.

ЕВДОКИМОВ. Вы меня сейчас очень боитесь?

НАТАША. Почему? Вы ведь не волк.

ЕВДОКИМОВ. Да, я тоже так думаю. Вы можете снять плащ. А то в этом есть нечто вокзальное.

НАТАША. Да нет, я так посижу.

ЕВДОКИМОВ. Смешно. Мы опять перешли на «вы».

Молчание.

НАТАША (*стараясь весело*). Почему смешно? Я до сих пор не знаю вашего имени.

ЕВДОКИМОВ. Это не бог весть какая потеря. Меня зовут довольно нелепо. Видите ли, я появился на свет, когда моя мать защищала кандидатскую. У нее было плохо с юмором. Короче, меня называли Электроном. Электрон Евдокимов.

НАТАША (*смеется*). Смеюсь глуповатым смехом.

ЕВДОКИМОВ (*без юмора*). Зря смеетесь. Может быть, человечество выучит наизусть это странное имя.

НАТАША. А вы все-таки страшно смешной товарищ, когда говорите самоуверенным тоном. Просто не тон, а юморочек.

ЕВДОКИМОВ. Вы лучше ешьте конфеты.

Молчание.

Мне подарили эту коробку на день рождения. Я всех угощаю, а она никак не кончается.

НАТАША (*усмехнулась*). Ну если... всех угощаете — я возьму.

ЕВДОКИМОВ. Да вы снимите, наконец, плащ.

НАТАША. Ничего, ничего.

ЕВДОКИМОВ. Вы хотите спросить, где мои родители?

НАТАША. Вообще, да.

ЕВДОКИМОВ. Они на юге. Отчим скоро должен вернуться.

НАТАША. Вы тоже без отца?

ЕВДОКИМОВ. *Тожже. (Хочет пододвинуть стул к ней.)*

НАТАША. Вы сидите там, ладно? (*Чтобы что-то сказать.*) А я хочу купить себе мотороллер и черные перчатки. Вот буду носиться по городу. Глупость, конечно, но все-таки мечта.

ЕВДОКИМОВ. Да. Поэтому давайте договоримся. Это будет ваша зона. (*Жест на ее стул.*) А вот здесь — моя. А здесь будет проходить условная граница, и я не буду переходить эту границу. Так будет безопаснее. Идет?

Сразу наступило какое-то облегчение.

Будто это заявление решало все вопросы.

НАТАША (*очень радостно*). Идет.

ЕВДОКИМОВ. Скоро позвонят.

НАТАША. Спать хочется ужасно. Мне осталось до самолета...

ЕВДОКИМОВ (*перебивая*). Давайте поставим кофе.

НАТАША. Давайте!

ЕВДОКИМОВ. У меня есть потрясающая кофеварка. Я ее сам сконструировал. Это лучшая кофеварка в СССР. *(Идет в угол комнаты.)*

Жужжание кофемолки.

Вы не сидите как именинница, вы ставьте чашки.

НАТАША. Где чашки?

ЕВДОКИМОВ. На потолке, наверное.

НАТАША *(снимает плащ, хозяйственно вынимает из буфета чашки, расставляет на столе)*. Мы сейчас похожи на столетних супругов. Вам снятся сны?

ЕВДОКИМОВ. Нет.

Кофемолка затихла, потом опять пошла.

НАТАША *(доставая ложки)*. А мне снятся каждую ночь. Вы не улыбайтесь. Очень пророческие сны. Однажды я с Котиком, это так моего старшего брата зовут, купила облигацию. Больше для юморочка. И вот мне приснилось: плывет корабль, а на мачте у него наша облигация. Представьте, мы выиграли.

Он подходит к ней сзади.

А еще... Что вы там стоите?.. Мне часто снится такой сон: ночь. Поле. Какой-то кол. Почему-то каска. Она звонит на колу от ветра. Как колокол.

Он вдруг резко обнял ее.

(Вывалась.) Ну не надо. Ну оставьте. Ну! Не надо же!

Он попытался ее поцеловать, но она вырвалась, оцарапав ему щеку. Он отступил.

Успокоились?

ЕВДОКИМОВ. Да.

НАТАША (*почти грубо*). Все?

ЕВДОКИМОВ. Да.

Пауза.

Вы поймите.

НАТАША. Не надо!

ЕВДОКИМОВ. Я хотел.

НАТАША (*грубо*). Да не надо! Все ясно! «Потянуло на любовь», как говорят в «Аэрофлоте».

Молчание.

ЕВДОКИМОВ. В каком-то «Аэрофлоте».

НАТАША. Смешно. С той минуты как вы появились, я подумала: какой одухотворенный товарищ. Вообще, вы мне здорово прожгли обшивочку. Я думала, вы... А вы... А!

ЕВДОКИМОВ. Ерунда. Ведь ты хотела, чтобы я тебя поцеловал! Хотела?

НАТАША. Не так! Понимаешь?!

Он сидит какой-то растерянный. Почти жалкий.

(*Искоса взглянула на него, и в ней проснулась жалость, которой так боятся женщины; примирительно.*) Какой вы взъерошенный сейчас.

ЕВДОКИМОВ. «Одухотворенный», «взъерошенный». У тебя жуткий лексикон.

НАТАША. Ну вот. И смех глуповатый, и лексикон. Все плохо. А вообще, я люблю, когда меня ругают. Я вас здорово

оцарапала?

ЕВДОКИМОВ. Прилично.

НАТАША. У меня есть духи. Вы продезинфицируйте.

ЕВДОКИМОВ. Это только когда кошки царапают, нужно дезинфицировать.

НАТАША. Ну вот, я уже кошка. При чем тут кошка?

ЕВДОКИМОВ. Ладно, успокоились. *(Презрительно.)*
Хватит об этом. Я вас больше никогда в жизни не буду целовать.

НАТАША. Ну и хорошо.

Молчание.

Не будете?

Молчание.

Вообще не будете?

Молчание.

Телефон что-то не звонит. Вы сейчас совсем как обиженный мальчик. Вот таким вы мне нравитесь. Вы обиделись?

Молчание.

(Милостиво.) Ну, хорошо. Ну поцелуйте меня, если вам это так нужно.

ЕВДОКИМОВ. Ханжа и трусиха.

НАТАША. Ну, ладно уж, поцелуйте.

ЕВДОКИМОВ. Я сказал!

НАТАША. Тогда я сама вас поцелую.

ЕВДОКИМОВ. Я не хочу.

НАТАША. А когда я не хотела...

Она не доканчивает фразы, потому что он поцеловал ее. Это очень долгий поцелуй, оттого что оба боятся тех слов, которые нужно говорить после этого поцелуя. Потом она только махнула рукой и сказала свое «А!».

В затемнении звонок телефона. Телефон звонит безостановочно. И затихает.

Шестой этаж большого дома. Раскрытое окно квартиры Евдокимова. За окном слышны голоса – ЕГО и ЕЕ.

ОНА. Качается фонарь.

ОН. Ветер.

ОНА. Я не могу объяснить. Я все понимаю и ничего не могу объяснить. Как собака. *(Смех.)* Кошка, собака. *(Смех, и вдруг скороговоркой, как заклинание.)* Я люблю тебя, люблю, люблю. *(Тревожно.)* Ты меня любишь?

ОН. Да.

ОНА. Молчи! *(Мстительно.)* А ты всем предлагал конфеты и чертил границу?

ОН. Не говори пошлостей.

ОНА. Я, конечно, понимаю. Но все это гадко! Гадко!

Молчание. Слышны шаги на улице.

ОНА. А знаешь, жалко, что кончилось детство. Это все-таки самое лучшее. *(Смеется.)* Странно. Я вот откалываю какие-то дикие номера. Но это самый дикий. Моя мама мне всегда говорит: «Худая, худой и останешься. Потому что злая и сумасшедшая».

ОН. Тебе попадет, что ты не вернулась?

ОНА. О какой чепухе мы говорим. Разве об этом надо сейчас говорить!

Молчание. Опять кто-то прошел. Слышны шаги на улице.

ОН. Кому ты несла вчера букет?

ОНА. Цветочки, да? (*Засмеялась.*) Одной личности. Мы с ним живем в одном доме. Он был «моя первая любовь». Все уже давно кончилось, а я всегда посылаю ему цветы в день рождения. И он не знает, от кого. (*Засмеялась.*) Ловко? (*Вдруг встревоженно, как заклинание.*) Я люблю тебя, люблю, люблю. А ты меня любишь?

ОН. Знаешь, не надо все время говорить это слово. Надо быть сдержанной.

Молчание.

Наташка?.. Ты что?.. Ты плачешь?

ОНА (*спокойно*). Что ты. Я редко плачу. Я обычно сдержанная.

Комната Евдокимова. Утро. ЕВДОКИМОВ спит на кровати. НАТАША стоит, одетая, рядом. Смотрит на него. Задумалась. Вдруг подошла к столу. Взяла коробку конфет, вышвырнула ее за окно. Опустила голову, еще постояла.

Ее обычный жест: «А!» Она включает на полную мощность радиоприемник. Раздается веселая песенка «Угадайки».

Голоса дикторов.

ГОЛОС (*изображающий мальчика Боря; с большим энтузиазмом*). Ой, сколько мы писем получили сегодня, дедушка! В каждом из них ребята отвечают на наши вопросы.

БЛАГОРОДНЫЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС (*изриво*). В прошлой «Угадайке» мы, кажется, передавали голоса птиц и зверей. Кто правильно ответил на наши вопросы? Ну-ка, Боренька?

ГОЛОС БОРЕНЬКИ. «Первым вы передавали стрекотание кузнечика, – пишет нам Лева Пысин из города Брянска. – Я часто слышу пение кузнечика на лугах». Лева шесть лет. Он всегда помогает своей маме.

БЛАГОРОДНЫЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС. Смотри, какого кузнечика нарисовал Лева Пысин из города Брянска.

ГОЛОС БОРЕНЬКИ. Ой, какой хороший кузнечик! Маленький, настоящий!

БЛАГОРОДНЫЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС. А вот Володя Спицын из города Гомеля Белорусской ССР не узнал стрекотание кузнечика и решил, что это кричит крокодил.

Смех в репродукторе.

ЕВДОКИМОВ (*просыпается, благодушно*). Вы не сон... к счастью?

НАТАША. Я быль, к счастью.

Евдокимов садится на кровати.

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. «Вторым вы передавали по радио крик слона», – пишет Володя Воробьев, пяти лет, из города Сольвычегодска. Володя не умеет писать, и письмо за него написала мама. А слона Володя видел в зоопарке.

ЕВДОКИМОВ. Брось мне конфеты.

НАТАША. Конфет нету.

ЕВДОКИМОВ. Где они?

НАТАША. Я их в окно выбросила, чтобы они наконец у тебя кончились.

ЕВДОКИМОВ. Ясно.

ГОЛОС ПО РАДИО. А вот Коля Бурмистров из города Выборга не узнал слона. И решил, что это кричит жаба.

ЕВДОКИМОВ. Быстро ты оделась.

НАТАША. Я немного проспала.

ЕВДОКИМОВ. Тебе попадет?

НАТАША. Попадет – не попадет, не важно.

ЕВДОКИМОВ. Мне снился сегодня в первый раз сон. Странно. Тебе снились сегодня сны?

НАТАША. Снились.

ЕВДОКИМОВ. Ну и что же тебе снилось?

НАТАША. Что-то большое, чистое, настоящее. Потом пришел вчерашний гражданин и объяснил мне, что это был просто слон, которого вымыли в ванне. А я его и не узнала. Совсем как Коля Бурмистров из города Выборга.

ЕВДОКИМОВ. Перестань, ладно?

НАТАША (*стоя у окна*). Какое чистое небо! Чистое-чистое. Ну я пошла.

ЕВДОКИМОВ. Не поворачивайся. Я оденусь, провожу.

НАТАША. Не хочу, чтобы ты провожал. Да и ты не очень хочешь.

ЕВДОКИМОВ. Как знаешь. Когда ты вернешься?

НАТАША. Денька через три.

ЕВДОКИМОВ. Быстрые у тебя полеты. Значит, встретимся в понедельник в восемь вечера. У метро «Динамо». Идет?

НАТАША. В восемь вечера у метро «Динамо».

ЕВДОКИМОВ. Если что изменится, позвони 295–5000, добавочный 365. Легко запомнить. В номере есть какой-то ритм.

НАТАША (*резко повернулась, подошла к нему вплотную*).
Поцелуй меня, ну, быстро! (Засмеялась.)

ЕВДОКИМОВ (*поцеловал ее*). Я был неправ – у тебя дивный смех.

НАТАША. Просто – утро. Утром все другое Прощай, Электрон Евдокимов. Вы очень милый товарищ.

ЕВДОКИМОВ. Салют, Наташка, до понедельника.

Она уходит. Стук захлопнувшейся двери. (*Вскакивает с кровати, напевая, подходит к столу. Ищет сигареты и вдруг натывается на записку читает.*) **«Ничего не понял.** Я думала, ты поймешь. И получился – юморочек. Встречаться не надо. Наташка».

Большая комната в НИИ. Четыре стола – в ряд, как парты. В углу комнаты стоит доска. У доски – ВЛАДИК (очкастый парень, которого мы уже видели в кафе «Комета») и ЕВДОКИМОВ. Оба одновременно пишут на доске. Что они пишут, мы не видим, а видим только обратную сторону доски, на которой мелом торжественно начертано разными почерками:

ЕВДОКИМОВ – лапочка.

ЕВДОКИМОВ – дуб.

ЕВДОКИМОВ – душечка.

ЕВДОКИМОВ – кретин.

В противоположном углу комнаты сидит третий научный сотрудник – Галя Острцова. Она тоже что-то пишет.

В комнате два телефона. Один – на столе у Гали, другой в противоположном углу, за доской – на столе у руководителя группы Семенова.

Звонок телефона на столе у Гали.

ГАЛЯ (*сняв трубку*). Семенова нет. Он на установке «Альфа».

В продолжение картины все заняты делом. Весь разговор идет «между делом». Это привычная, никого не отвлекающая болтовня. Далекие удары, похожие на разряды.

Опять Гальперин начал рвать свои проволоки. Кстати, мальчики, с этими проволочками получается труднообъяснимый эффект.

Звонок телефона на столе Гали.

(*Подняв трубку*). Семенова нет. Семенов на «Альфе». (*Продолжая работать.*) Кстати, в девяносто третьем ящике все установки называют именами цветов. Установка «Флокс». Звучит?

ЕВДОКИМОВ (*у доски, мрачно*). Целый день хочется жрать. К чему бы это?

ГАЛЯ. Я думаю, к дождю.

Молчание.

Евдокимыч, сыграем после работы в шахматы? Мне надо сыграть с заведомо слабым противником.

ВЛАДИК (*у доски*). Одни люди живут, чтобы есть. Другие едят, чтобы жить. Острцова ест и пьет, чтобы играть в шахматы.

ГАЛЯ. Владюша, ты вдумчивый мальчик. Но ты ошибся. Шахматы для меня не страсть, а цель. Человек должен все время ставить новые цели и добиваться. Я добилась первого разряда по лыжам. Потом стала мастером по пинг-понгу. Теперь я буду мастером по шахматам. Потом добыюсь еще одной вещи. Хочешь, скажу какой, Евдокимыч?

ЕВДОКИМОВ. Ну?

ГАЛЯ. Фигушки. Ничего я тебе не скажу. (*Собирая бумаги.*) Я ушла на модель. (*Выходит из комнаты.*)

ВЛАДИК. Эта твоя, в кафе, ничего!

ЕВДОКИМОВ. Да, неплохая.

ВЛАДИК. Я вас вчера искал перед закрытием. Но вы куда-то исчезли.

ЕВДОКИМОВ. Мы исчезли.

ВЛАДИК. Не понял. Поподробнее.

ЕВДОКИМОВ. Я не люблю поподробнее.

Возвращается ГАЛЯ.

ГАЛЯ. Мы пробирки заказывали?

ЕВДОКИМОВ. Нет, это Владик-маленький заказывал. Из тридцать девятой лаборатории.

ГАЛЯ (*садится за свой стол*). Драма, мальчики. Мы ра-

ботаем вместе целый год и до сих пор не придумали друг другу прозвища. Есть предложение называть Евдокимова «многообещающим». Я буду — «элегантная». «Элегантная Острцова из почтового ящика». А вот Владюша...

Входит ФЕЛИКС, высокий красивый парень. Он медлителен, даже величав. Он разговаривает выпендренно, патетически и в то же время очень серьезно. Так что нельзя понять, шутит он или говорит всерьез.

ФЕЛИКС. Здорово, отцы. Принес переводы.

ГАЛЯ (*не отрываясь*). Как живешь, Феликсончик?

ФЕЛИКС. Мог бы лучше, мать. Плохо живу. Очень я огорчен. (*Трагически.*) Понимаете, много платят, а вот я считаю, что истинный человек должен получать мало. Он должен работать ради энтузиазма! Ради дела! Может, я неправильно считаю, пусть старшие товарищи меня поправят. (*Евдокимову.*) А ты все тоскуешь по мне, отец?

ЕВДОКИМОВ. Не говори.

ФЕЛИКС. Я вот тоже. Я всегда тянусь к тебе, Евдокимов, как тянется цветок навстречу утреннему солнцу.

ЕВДОКИМОВ. Отчего-то мне всегда хочется говорить тебе гадость, Топтыгин. К чему бы это?

ГАЛЯ. Я думаю, к дождю.

ФЕЛИКС. По-моему, все проще. Ты очень много кушаешь, Евдокимов. А диалектика жизни такова: когда кони сытые — они бьют копытами. (*Уходит.*)

Звонок телефона.

ГАЛЯ (*подняв трубку*). Семенова нет, Семенов на «Альфе».

ЕВДОКИМОВ. Ученый, который взялся заведовать отделом информации. Переводики составляет, кретин.

ГАЛЯ. Ты очень впечатлительный, Евдокимыч. Ученого из него все равно бы не получилось. А там и оклад большой, и сидит на своем месте.

ЕВДОКИМОВ (*встал*). Не могу!.. Если придет Семенов, я в буфете. (*Уходит.*)

В комнате остаются Галя и Владик. Владик по-прежнему стоит у доски, что-то пишет. Галя усмехается, снимает трубку своего телефона, набирает номер. Звонок телефона на столе у Семенова, за доской.

ВЛАДИК (*бросаясь к телефону*). Алло!

ГАЛЯ (*тихо, в своем углу*). Здравствуйте, Владик, это опять я.

ВЛАДИК (*не без кокетства*). Кто же мне все-таки звонит?!

ГАЛЯ. Красивые девушки, Владик, не прощают, когда их не узнают по телефону.

ВЛАДИК. Ну, совершенно не могу вас вспомнить. У вас весьма знакомый голос. Но вспомнить не могу. Ну, скажите... ну примерно, откуда вы меня знаете?

ГАЛЯ (*роковым голосом*). В жизни, Владик, так много ясного. Пусть у вас будет хотя бы одна загадка. Нет, пока вы меня сами не узнаете, я вам ничего не скажу.

ВЛАДИК. Вы меня не разыгрываете?

ГАЛЯ. Что вы, Владик! Мы взрослые люди. Вы просто мне нравитесь. Поэтому я вам звоню.

Входит СЕМЕНОВ, за ним ЕВДОКИМОВ с бутербродами.

СЕМЕНОВ (*глядя на разговаривающих*). Любопытно! (*Саркастически.*) Был один телефон – занимали. Добился – поставили два телефона. Два занимают! Поставим десять телефонов!.. (*Махнул рукой, начинает быстро расхаживать по комнате.*)

ВЛАДИК (*шепотом в трубку*). Здесь пришли. Позвоните завтра, хорошо?

ГАЛЯ (*шепотом в трубку*). Хорошо.

Вешают трубки.

Семенов молча продолжает расхаживать.

Бегуны прошли половину дистанции.

СЕМЕНОВ. Каждый раз я мысленно расстреливаю себя за то, что взял в лабораторию Острцову.

ГАЛЯ. Вы очень впечатлительный, Петр Сергеевич.

СЕМЕНОВ (*походил, вдруг остановился, неожиданно заулыбался*). Так вот. Трубы на «Альфе» в норме, герметичность – экстра. Короче, разрешение на опыт Евдокимова даю. И Гальперин тоже дает.

ЕВДОКИМОВ (*стараясь небрежно*). Ясно.

СЕМЕНОВ. Ты не стесняйся, ты улыбайся, Электрон. (*Расхаживая.*) Только нужна осторожность, ребятки. И глав-

ное – меньше темперамента. А то Евдокимов Электрон со своим темпераментом...

ЕВДОКИМОВ. Все ясно, Петр Сергеевич.

СЕМЕНОВ (*поднимая трубку телефона, заученно*). Третий? Алло! Милая, красивая, хорошая, Семенов Петр Сергеевич тебя беспокоит. Оформи мне заявочку. Значит, машина на установку «Альфа». Часикам к трем. Молодежь свою на экскурсию повезу. (*Вешает трубку.*) Ну, по домам! (*Надев какую-то разбойную, помятую кепку и допотопное пальто, начинает на ходу делать записи в журнале.*)

ГАЛЯ (*одеваясь*). Вы бы хоть кепку приобрели новую, Петр Сергеевич. Все-таки руководитель группы.

СЕМЕНОВ (*не отрываясь*). Зачем? Симпатичная кепка с остатками былой красоты.

ГАЛЯ. Знаете, Петр Сергеевич, современный человек может ходить в чем угодно. Только у него должны быть в порядке обувь и головной убор.

Уходит, за ней ВЛАДИК.

СЕМЕНОВ (*по-прежнему не отрываясь от журнала, добродушно*). Все вы тряпичники, забодай вас комар. Я в вашем возрасте водку пил, а вы тряпьем занимаетесь. (*Засмеялся.*) Хорошая девушка эта Острцова. Только язык – лезвие.

ЕВДОКИМОВ. До свидания, Петр Сергеевич.

СЕМЕНОВ. Подожди, вместе пойдем. Да, был у меня друг, понимаешь, на фронте. Было ему тогда столько, сколь-

ко мне сейчас. Один раз приходит и говорит: «Полюбил». Я ему вопрос: «Красивая?» – «Да нет, не особенно». – «Характер, – спрашиваю, – у нее, что ли, экстра или душа?» – «Да нет, отвечает, ничего особенного, просто молодая». Я тогда удивился, не понял. (*Грустно.*) А вот сейчас иной раз встретишь девушку и засмотришься. Потом думаешь: да что в ней особенного?.. Ничего. Просто молодая... Стареть стал?

ЕВДОКИМОВ. Не знаю.

СЕМЕНОВ. Когда-нибудь узнаешь. (*Усмехнулся.*) Тяжелая будет неделя. Только ты, смотри, постарайся обойтись эту неделю без своих «ля-ля».

Они выходят. Кабинет пустеет. Бьют часы. Бьют шесть.

Голос Наташи: «Товарищи пассажиры, в восемнадцать ноль-ноль мы будем пролетать над городом Ждановом».

Самолет. Кухня в самолете. НАТАША, в синей форме стюардессы, раскладывает обед на подносы. Входит вторая стюардесса – ИРА, очень маленькая, очень молчаливая девушка по прозвищу «Мышка». Потом появляется штурман ЛЕВА КАРЦЕВ.

КАРЦЕВ. Что хорошего, девочки?

НАТАША. Как всегда – характер.

КАРЦЕВ. В Адлере – тридцать восемь градусов.

НАТАША. Очень интересная публика. У меня сидит такой пожилой товарищ, похож на Жана Габена. Он чтец и все время говорит: «В данном театральном сезоне». Хочешь яблочка?

КАРЦЕВ (*взял*). Наташка, ты лучшая девушка Москвы и Московской области.

НАТАША. Ты ошибся. Я лучшая девушка в СССР.

КАРЦЕВ. Почему ты не носишь серую форму? Она тебе очень идет.

НАТАША. Пошел говорить глупости.

ИРА. Серая у нее в чистке.

НАТАША. А ну, Мышка, шустри в салон!

ИРА выходит с подносом.

КАРЦЕВ. Почему ты опоздала на рейс?

НАТАША (*вдруг сделав па*). Левка, мне предлагают стать манекенщицей. Согласиться? «Для полных женщин мы по-прежнему рекомендуем строгие формы. В этом году войдет в моду застроченная встречная складка». Сойдет?

КАРЦЕВ. Так я не понял, почему ты опоздала?

НАТАША. Это и понимать не надо. Проспала – и все. Ти-ра-ри-ра. (*Повернулась, взглянула на себя в зеркало.*) Ах! Ну до чего же прелестна эта женщина!

КАРЦЕВ. Что с тобой сегодня происходит?

НАТАША. Не знаю. Я несчастная сегодня, Лева, и почему-то счастливая. И где счастье, где несчастье – никто ничего не знает. (*Засмеялась.*)

КАРЦЕВ. У тебя отличный смех, Наташка!

НАТАША. Ты ошибся, Левушка. У меня глуповатый смех.

Возвращается ИРА.

КАРЦЕВ (*сразу официально*). Слушай, лучшая девушка Москвы и Московской области. Ты что, серьезно переходишь на спецрейсы?

НАТАША. Ага. С конца месяца буду летать в Европу. Хорошо! Только вот по Мышке буду тосковать.

ИРА вновь уходит с подносом.

КАРЦЕВ. Слушай, Наташка!

НАТАША. Опять, да?

КАРЦЕВ. Не надо со мной шутить. Ты меня знаешь.

НАТАША. Еще что?

КАРЦЕВ. Я люблю. Люблю!

НАТАША. Не надо повторять это слово. Нужно быть сдержанным. Ты чудный парень, Левка. Когда водишь самолет и свою машину, ты ужасно значителен. Мужчинам идет заниматься делом. Но когда ты начинаешь объясняться...

КАРЦЕВ. Это – из-за Мыши?

НАТАША. Что ты! Если бы я любила, ни на Мышь, ни на что.

КАРЦЕВ. Понятно. Ты просто восторженная дура!.. И пропадешь ты с этим ожиданием любви абсолютно ни за что!

НАТАША. Может, я уже пропала. Ну смеюсь, смеюсь. Я когда пропаду – сразу тебе дам знать.

Возвращается ИРА.

Ну, до свидания, до свидания, Левушка. Не мешай нам работать.

КАРЦЕВ уходит.

ИРА. Зачем он приходил?

НАТАША. А! Спрашивал, почему я опоздала на рейс. *(Взглянув на Иру.)* Глупая ты моя Мышь. Ты очень его любишь?

ИРА *(вздыхнула)*. Очень. Иногда мне кажется, что он меня позовет, и я за ним – вот куда угодно... Наташик, интересно, ты бы могла, куда угодно, только вот сразу?

Молчание.

НАТАША. Нет. Не могла.

Молчание.

Вообще, Мышь, все эти разговоры тебе ни к чему. Выкинь из головы все эти глупости. Тебе только семнадцать, ты еще зеленая!

ИРА. Счастливая ты, Наташка. Все за тобой ухаживают. Счастливая!

НАТАША *(вдруг села, сжала виски, глухо)*. Иди в салон, Мышь.

ИРА. Что ты, Наташка?!

НАТАША *(сразу спокойно)*. Ерунда, немного прожгло общивочку. Эх ты, Мы-ышь! *(Встала, привычным жестом одернула юбку. Взглянула в зеркало.)* Ах! Ну до чего же прелестна эта женщина! *(И ритмичной походкой стюардессы она направилась в салон.)*

Ее веселый голос: «Товарищи пассажиры! Полет проходит на высоте восемь километров. Скорость полета шестьсот пятьдесят километров в час. В девятнадцать часов две ми-

нуты мы будем пролетать над городом Харьковом».

Улица. Справа – огромное окно парикмахерской. Окно раскрыто. В глубине, за окном, видна голова женщины. Линии проводов вокруг головы придают ей нечто марсианское. У окна, рядом с креслом, парикмахерша ЛИЛЬКА. Она переговаривается со стоящей на улице НАТАШЕЙ. Наташа, как всегда, с чемоданчиком и букетиком цветов.

Слева на улице, на скамейке, – очередь: ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ МУЖЧИНА, ВСХЛИПЫВАЮЩАЯ ДЕВУШКА, ЕЕ ПОДРУГА, ТОЛСТАЯ ЖЕНЩИНА.

НАТАША (*Лильке*). Только ты мне как следует уложи. Мне сегодня очень нужно выглядеть.

ЛИЛЬКА (*она в очень свободном халате*). Милая ты моя, да я тебе такую прическу отгрохаю! Осень ты моя золотая, румяные щечки.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ МУЖЧИНА (*безнадежно*). Вика! Ну скоро, наконец, там?!

ЛИЛЬКА. Не волнуйтесь, гражданин! Ваша дама на суши-ке. (*Опять затараторила, Наташе.*) Я к тебе вчера забежала с Нелькой Комаровой. Ты была в полете. Да, забыла спросить, как я в рыжем цвете?

НАТАША. Класс!

ЛИЛЬКА. Значит, мы с Нелькой к тебе заходим – и твоя благоверная так на тебя разорялась!

НАТАША. Да?

ЛИЛЬКА. Что ты дома не ночевала. И если это повторит-

ся, она тебя вообще выгонит из дому. Такое наговорила!

НАТАША. Нервы.

ЛИЛЬКА. Ты не расстраивайся! Я когда с моим Ленькой гуляла, моя благоверная...

НАТАША. Ну, ладно! Благоверные какие-то пошли. Хватит!

ДЕВУШКА В ОЧЕРЕДИ (*подруге*). Соня, ты не плачь! У тебя все права есть!.. Товарищи, так нельзя – она невеста.

ТОЛСТАЯ. Все мы невесты.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ МУЖЧИНА. Все-таки вы, я полагаю, не невеста.

ТОЛСТАЯ. Ты про меня не полагай – ты про жену свою полагай.

ДЕВУШКА. Нет, так нельзя, товарищи! У нее номерок на девятнадцать часов во Дворец бракосочетаний! Она на свадьбу опаздывает. Товарищ парикмахер!

ЛИЛЬКА (*сразу сварливо*). Невест, девушка, у нас отдельный парикмахер обслуживает. Он на бюллетене. А у меня не тысяча рук – я разорваться на клиентов не могу! Невесты сегодня в порядке общей очереди.

Невеста безнадежно всхлипывает, глядя на часы.

(*Снова шепотом, Наташе.*) Эх и дуры мы, какие мы все дуры. Я иногда на своего Леньку смотрю – и чего я в нем нашла? За мной дипломат ухаживал. Но вот появился этот бес Ленька...

НАТАША. Когда... у тебя?

ЛИЛЬКА. Через пять месяцев.

НАТАША. Боишься?

ЛИЛЬКА. Да. Он у меня уже там ручками-ножками шевелит. Так хорошо бывает! Мы с Ленкой теперь как заведенные ходим – имя ему придумываем. Ух! Я тебе сейчас такую голову отгрохаю. (*«Марсианке».*) Гражданочка, у вас в норме. (*Освобождает ее от проводов. Наташе.*) Садись.

НАТАША. Я, пожалуй, невесту пропущу.

ЛИЛЬКА. Да ты что! Ты ведь спешишь?

НАТАША. Ага, спешу... Я пойду, а то опоздать могу. Не люблю опаздывать.

ЛИЛЬКА. Я думала, тебе действительно нужно.

НАТАША. До свидания, Лилька.

ЛИЛЬКА. Сумасшедшая ты.

НАТАША. Ну хватит, хватит!.. Яблочко возьми. Из Адлера.

ЛИЛЬКА. Эх, Наташка, и всегда ты кушаешь на ходу. (*Раздельно.*) Слушай. Если тебе... жить все-таки станет нелегко... ты к нам переезжай.

НАТАША. Опять пошли какие-то глупости. Я побежала.

ЛИЛЬКА. Да, а как звать твоего?

НАТАША. Какого моего?

ЛИЛЬКА. Ну ладно, ладно!..

НАТАША. Ясенько. Моего любимого мужчину зовут Электрон. (*Уходит.*)

ЛИЛЬКА. А чего – Электрон? (*Заулыбалась.*) И необыч-

но, и современно. (*Кричит.*) Ну кто там невеста?!

Площадка перед метро «Динамо». На площадке сейчас пустынно. Идет матч. Доносится рев и свист стадиона.

ГОЛОС РАДИОДИКТОРА. Одиннадцатиметровый удар назначен судьей Клавсом за игру Иванова, номер четыре.

На площадке разгуливает ЕВДОКИМОВ. Глядит на часы.

Появляется НАТАША с тем же чемоданчиком и цветами.

Они стоят и молчат.

НАТАША. Чего же ты пришел, Эла. Я ведь написала, чтобы ты не приходил.

Рев стадиона.

ГОЛОС РАДИОДИКТОРА. Мяч в ворота «Кайрата» забил Кожемякин, номер девять.

ЕВДОКИМОВ. Я на всякий случай. Кстати, тебе очень идет косынка, Наташа.

НАТАША. Ничего мне не идет. Просто в парикмахерскую никак не выберусь. Ненавижу ходить по парикмахерским, Эла.

ЕВДОКИМОВ. Как ты здорово меня называешь – «Эла». Знаешь, «Эла» – это мысль! Просто выход из моего трудного положения. (*Смеется.*) Ну, давай твой чемоданчик.

Она отрицательно качает головой.

Самостоятельная?.. Слушай. Ты сегодня что-то ужасно красивая.

НАТАША (*засмеялась*). Ты в хорошем настроении, да?

ЕВДОКИМОВ. Я в потрясающем настроении. Я тебя сей-

час, наверное, поцелую.

НАТАША. Не надо! Не люблю, когда целуются на улицах. Вообще не люблю, когда что-то афишируют.

ЕВДОКИМОВ. Ты мне просто невозможно нравишься. К чему бы это? Я думаю – к дождю.

НАТАША. К какому-то дождю. Ты просто поглупел сегодня. Стоишь очень глупый и не такой самоуверенный. Это тебе идет.

ЕВДОКИМОВ (*наконец-то заметил ее букет*). Ой, Наташка, простите, я не купил вам цветы.

НАТАША. Какая чепуха. Ненавижу, когда мне дарят цветы. Я сама себе все дарю.

ЕВДОКИМОВ. Опять забыл, ты ведь самостоятельная. И куда же мы двинемся?

НАТАША (*торопливо*). Мы просто погуляем сегодня, хорошо?

ЕВДОКИМОВ. Да.

НАТАША. Всю жизнь хочу выбраться в зоопарк. Там что-то родилось у бегемота.

ГОЛОС ПО РАДИО. Сегодня в зоопарке демонстрируются вновь поступившие животные: пантера Роза с потомством, вьетнамская свинья и камерунские козы.

Клуб любознательных при зоопарке объявляет конкурс на лучшую фотографию отечественных животных зоопарка.

Принимаются черно-белые и цветные фотографии размером восемнадцать на двенадцать, в двух экземплярах. Луч-

шие фотографии будут премированы свинками, белыми мышами и книгами.

Зоопарк. Вольер с надписью «Вилорог». Указатель со стрелками: «К носорогу», «К бегемоту», «К тиграм и львам». Скамейка у вольера. На скамейке сидит ЕВДОКИМОВ, рядом стоит НАТАША. Вдоль вольера прогуливается СТОРОЖ.

НАТАША. Что ты сел? Мы ведь не посмотрели камерунскую козу.

ЕВДОКИМОВ. Может, лучше навестить носорога? Все-таки у него рог есть. Хоть какое-то развлечение. Интересно, отчего меня всегда мутит в зоопарке?

НАТАША. Наверное, ты не любознательный, Эла.

ЕВДОКИМОВ. Нет. Скорее всего это от клеток. Слишком много клеток. Слушай, может, нам сфотографироваться на фоне жирафа, на память?

НАТАША. Опять ты смеешься. Ну, пойдем к козе.

ЕВДОКИМОВ. Я не могу идти к козе. Я лучше задам тебе один вопрос. Из чисто познавательных соображений.

НАТАША. Да? Какой вопрос?

ЕВДОКИМОВ. Отчего мне все время хочется сегодня тебя поцеловать? К чему бы это?

НАТАША. Я думаю – к дождю, как ты говоришь всегда. Ну, вставай, ну, пойдем. Вьетнамскую свинью посмотрим, а то ее на обед скоро закроют.

ЕВДОКИМОВ. Ну и пусть. Пусть свинья спокойно пообе-

дает. Наташка, мне осточертели лисицы, свиньи, козы и жирафы. Слушай, с тобой очень трудно ходить рядом. На тебя все смотрят, как ненормальные. (*Смеется.*) Нет, я определенно хочу тебя поцеловать.

НАТАША. Ты просто ужасный «чмокальщик». Что с тобой сегодня?

ЕВДОКИМОВ. В каком смысле?

НАТАША. Ты совсем другой товарищ.

ЕВДОКИМОВ. Просто раньше я был сосредоточенный. А сегодня я счастливый. Я по натуре величайший оптимист СССР... Ну, сядь!

НАТАША. Нет.

ЕВДОКИМОВ. Ну не бойся.

НАТАША. Я не боюсь. Я уже сказала: не люблю, когда целуются при всех.

ЕВДОКИМОВ. Что ж, резонно. Слушай, Наташка, вот ты меня не хочешь поцеловать, да? А может, я великий ученый. Смейся, смейся. Вот я сижу здесь среди орлов с обрезанными крыльями. А может быть, я разработал такое...

НАТАША. Ты, да? (*Смеется.*)

ЕВДОКИМОВ. Ну вот, не веришь? Ну удавиться – разработал! Ты знаешь вообще, кто я по профессии?

НАТАША. Ты хвостун.

ЕВДОКИМОВ. А ты не хочешь меня поцеловать!.. Может быть, я «кувырнусь» во время опыта.

НАТАША. Как «кувырнешься»?

ЕВДОКИМОВ. Ну как, как. Погибну. Как в этом фильме.

НАТАША (*кричит*). Перестань! И никогда не смей так шутить!

ЕВДОКИМОВ (*засмеялся*). Сядь, а?

НАТАША. Не сходи с ума.

ЕВДОКИМОВ. Ты боишься сторожа? Давай на компромисс: я тебя буду целовать, пока этот Топтыгин пойдет в ту сторону. Знаешь, я еще никогда не целовался среди тигров и бегемотов. (*Целует ее.*)

Сторож тотчас оборачивается.

ЕВДОКИМОВ (*сторожу*). Привет.

СТОРОЖ. Здравствуйте. (*Проходит.*)

ЕВДОКИМОВ. Зверей охраняете, шеф?

СТОРОЖ. Зверей.

ЕВДОКИМОВ. От кого же вы их охраняете?

СТОРОЖ. От людей.

ЕВДОКИМОВ. Правильно. Человеку дай волю — он и тигра загрызет. Давно вы здесь работаете?

СТОРОЖ. Четвертый год.

ЕВДОКИМОВ. Все вилорога охраняете?

СТОРОЖ. Зачем? Я и моржа охранял, и львов. Я подменный сторож.

ЕВДОКИМОВ. Здорово. А лев моржа съест?

СТОРОЖ. Съест. Лев всех съест. Он царь зверей.

ЕВДОКИМОВ. Вот зверюга. А морж много рыбы у государства жрет?

СТОРОЖ. Много.

ЕВДОКИМОВ. Безобразие. А тысячу рыб морж сожрет?

СТОРОЖ. Морж и две, и три сожрет. Сколько дашь – столько и сожрет.

ЕВДОКИМОВ. Почему у вас звери такие молчаливые? Не кричат, не орут.

СТОРОЖ. Чего им орать?! Сыты, никто не обижает. Зверь – он кричит, когда тоска на него находит. Или в постный день. Вот тут он легкие развивает. Зверь – искренний. *(Проходит.)*

НАТАША. Вот интересно. *(Замолчала.)*

ЕВДОКИМОВ. Что?

НАТАША. Что ты подумал, когда я ушла?

ЕВДОКИМОВ. Эх, ты! *(Целует ее.)*

Сторож тотчас же оборачивается.

А гиппопотама лев съест?

СТОРОЖ. Лев и гиппопотама съест. Всех съест.

НАТАША. Возьмите яблочко. Очень хорошее. Из Адлера.

СТОРОЖ. Спасибо. *(Проходит.)*

ЕВДОКИМОВ *(Наташе)*. Я знаю, о чем ты сейчас думаешь.

НАТАША. А! Ни о чем я не думаю. Глупость все это.

ЕВДОКИМОВ. И почему ты написала то письмо, тоже знаю.

НАТАША. Ну ладно, ладно!

ЕВДОКИМОВ. Легче нужно относиться ко всему, Наташка!

НАТАША (*тихо*). Я и так, Эланька, очень легко отношусь.

ЕВДОКИМОВ. Относишься, а потом себя грызешь. Понимаешь.

НАТАША. Ну молчи, молчи.

ЕВДОКИМОВ. Ведь я знаю, как тебе было... потом.

НАТАША. Не надо.

ЕВДОКИМОВ. Улыбнись. Все хорошо, да?

НАТАША. Да, все хорошо, Эла.

ЕВДОКИМОВ. Давай простимся с этими бегемотами и пойдем в нашу «Комету».

НАТАША. У нас уже есть что-то «наше». Только, Эла. Я сегодня к ночи должна быть обязательно дома.

ЕВДОКИМОВ. Нереально.

НАТАША. Нет, это нужно. Обязательно.

Евдокимов ее целует, сторож тотчас же оборачивается.

Евдокимов целует ее, сторож тотчас же оборачивается.

ЕВДОКИМОВ. А как насчет тигра, шеф?

Сторож (*радостно*). И тигра лев съест. Лев всех съест. Он царь зверей. (*Проходит.*)

Ночь. Та же стоянка такси. Тот же ПАРЕНЬ сидит на тротуаре. Проходят НАТАША и ЕВДОКИМОВ.

НАТАША (*увидела парня и почему-то безумно обрадовалась*). А, здравствуйте, здравствуйте.

ЕВДОКИМОВ. Ждем «букашку»?

ПАРЕНЬ. Ждем.

ЕВДОКИМОВ. Дать сигарету?

ПАРЕНЬ. Не дать. Сегодня понедельник.

НАТАША. Опять нету такси.

Молчание. Они стоят обнявшись.

Ты какого писателя больше всех любишь?

ЕВДОКИМОВ. А что?

НАТАША. Ничего. *(Отчаянно.)* Нет, не то! Вот с тобой я отчего-то дура. А без тебя – я столько хочу тебе рассказать. А! Все не то! Я просто, наверное, очень мало читала. У меня, как ты сказал, жуткий лексикон.

Молчание.

Хочешь, скажу одну вещь?

ЕВДОКИМОВ. Скажи одну вещь.

НАТАША. Знаешь, где я тебя увидела первый раз?

Он удивленно смотрит на нее.

Нет, не в «Комете». *(Смеется.)* Это было три года назад, в Политехническом музее. Там был вечер «Кем быть», и ты тоже выступал от университета. Я тебя сразу узнала в «Комете».

ЕВДОКИМОВ. А ты что делала в Политехническом?

НАТАША. Решала, кем быть. *(Смеется.)* И до сих пор не решила. Почему я все время с тобой смеюсь?.. Такси нет. Интересно, вот мы стоим сейчас, будто все это так и надо. А потом... когда-нибудь... я буду вспоминать об этом дне как

об ужасном счастье.

ЕВДОКИМОВ (*шепотом*). Ничего не понимаю. Никогда у меня так не было. Вот всегда.

НАТАША. Я не хочу знать, как у тебя было всегда. Куда исчезли такси?

ЕВДОКИМОВ. Пойдем?

НАТАША. Опять все то же!

ЕВДОКИМОВ. Ты боишься?

НАТАША. Какая ерунда.

ЕВДОКИМОВ. Значит, боишься. Идем.

НАТАША. Идти, да?

ЕВДОКИМОВ. Да. Туда.

НАТАША. Туда?

ЕВДОКИМОВ. Смешно. Когда ты волнуешься, ты всегда повторяешь слова.

НАТАША. Совсем я не волнуюсь. А! (*Она махнула рукой, и они пошли к парадному.*)

ПАРЕНЬ. Эй, друг!

Евдокимов обернулся.

(*Смеется.*) Одну.

ЕВДОКИМОВ. Держи всю пачку. (*Бросает пачку.*) Эх ты, Топтыгин.

ПАРЕНЬ. Спокойной ночи.

ЕВДОКИМОВ. Салют, Топтыгин.

Раннее утро. Звуки радиоприемника (*передают гимн*).

ГОЛОС РАДИОДИКТОРА. Доброе утро, товарищи.

Лестничная клетка. Перед дверью квартиры Наташи.

Прямо на лестнице стоит чемодан, привязанный веревкой к дверной ручке. Сначала раздаётся Наташин голос, поющий песенку. Потом на лестничной площадке появляется сама НАТАША. Останавливается, рассматривает чемодан.

НАТАША. Ясненько. *(Начинает отвязывать.)* А! Переживем.

По лестнице сверху сходит ЛИЛЬКА. Волосы у нее теперь выкрашены в черный цвет.

ЛИЛЬКА. Доброе утро! Ты чего это?

НАТАША. Ничего. *(Отвязывает чемодан.)* Улетаю.

ЛИЛЬКА. Выгнала, благоверная?

НАТАША. Опять благоверные какие-то пошли. Просто улетаю. Ясно? Никто меня не выгонял. *(Поднимает чемодан.)* «Что нам, летунам», – как говорят в «Аэрофлоте». Значит, стала черная?

ЛИЛЬКА. Да, нужно черный попробовать. На всякий пожарный. *(Волнуясь.)* Ну как я?

НАТАША. ОК!. Я побежала.

ЛИЛЬКА. Чемодан можешь к нам поставить. И вообще можешь у нас пока пожить.

НАТАША. Какая чушь.

ЛИЛЬКА. Гордая дуреха.

НАТАША. Знаешь, мне что-то уже надоело. Все: дура, дуреха, глуповатый смех. Никакая я не дура. Ясно? *(Поправила волосы, откинула голову, пошла по лестнице.)* Ах, до чего

же прелестна эта женщина. (*Уходит.*)

Лилька остается на площадке. Дверь соседней квартиры открывается. На площадку выходит ФЕЛИКС, вынимает газеты из ящика.

ФЕЛИКС. Здравствуй, мать.

ЛИЛЬКА. Здравствуй.

ФЕЛИКС. Ты что же, мать, стала цвета маренго?

ЛИЛЬКА. Ну тебя! Наташку мать выгнала.

ФЕЛИКС. Это что, в связи с новой любовью?

ЛИЛЬКА. Да.

ФЕЛИКС (*помолчав*). Ты бы к себе ее пока поселила, а?

ЛИЛЬКА. Не хочет. Она улетела.

Молчание.

Поговори с ней. Ведь вы... когда-то...

ФЕЛИКС (*резко*). И скоро ты увеличишь население голубой планеты Земля?

ЛИЛЬКА (*заулыбалась*). Скоро.

ФЕЛИКС. Приглашай крестным отцом. Всю жизнь мечтаю быть крестным отцом. Имя-то хоть придумали?

ЛИЛЬКА (*счастливо*). Придумали.

ФЕЛИКС. Ну?

ЛИЛЬКА (*улыбаясь*). Электрон.

Комната в НИИ. Далекие разряды. На часах – без четверти шесть. За своими столами ЕВДОКИМОВ, ВЛАДИК, ГАЛЯ ОСТРЕЦОВА.

ВЛАДИК. Сегодня будем допоздна. Посетить, что ли, сто-

ловую?

ГАЛЯ. Нецелесообразно. Там только что побывал могучий Евдокимов. После посещений могучего Евдокимова в столовой как-то становится нечего делать.

Молчание.

Впрочем, тебе это даже лучше, Владюша. Ты ведь бережешь свое телосложение.

ЕВДОКИМОВ. «У него не телосложение. У него – тело-вычитание», как сказал поэт!

Разряды. Входит ФЕЛИКС с цветком в петлице.

ФЕЛИКС. Принес переводы, парубки. Статья американского кибернетика Эшби «Интеллектуальные машины». Это, я считаю, прямо для Евдокимова.

ВЛАДИК. Разреши, Феликс, я сначала прогляжу. А то я уезжаю.

Разряды.

ФЕЛИКС. Вас не раздражает этот стук? У меня голова трещит из-за этих гальперинских проволочек. (*Владику.*) Куда же это ты уезжаешь, парубок?

ВЛАДИК (*проглядывая статью*). На «Альфу».

ФЕЛИКС (*усаживаясь*). Как хорошо сказал!.. Готовитесь к опыту, отцы? Очень я вам завидую. Вот я считаю, что все подлинные ученые должны бесстрашно рисковать жизнью во имя науки. Вот интересно, правильно ли я считаю?

ЕВДОКИМОВ (*не поднимая головы*). Топтыгин ты.

ВЛАДИК (*просматривая статью*). Сильная статья.

ФЕЛИКС (*Гале*). А ты, мать, все такая же целомудренная. Сидишь в финской юбке, мохнатой, как медведь.

ГАЛЯ. Откуда у тебя цветы, сынок?

ФЕЛИКС. Подарок любимой. Даже точнее – экс-любимой.

ГАЛЯ. Что же это у тебя за экс-любимая?

ФЕЛИКС. Кстати, мать, отчего все целомудренные девушки так интересуются подробностями моей биографии, скользкой, как угорь.

ГАЛЯ. Динозавр ты все-таки, Феликс. Просто интересно, откуда человек может доставать сейчас такие цветы.

ФЕЛИКС. Человек не может. Человек слаб. Могут только стюардессы. Любите стюардесс, мальчики. Они привезут вам с юга такие же цветы. Любите их, тонких, изящных и длинноногих.

ВЛАДИК. Просто отличная статья.

ФЕЛИКС. Вот так, Галчонок. Каждый свой день рождения я получаю по почте эти цветы. Она шлет их мне анонимно. Представляешь, какая романтика? (*Патетически.*) Вот, по-моему, не знаю, прав я или нет, но мне кажется, что романтика и чистота – основные качества наших девушек. Вот интересно, правильно ли я считаю?

ГАЛЯ. Хохмач ты, Фелька.

Разряды.

ФЕЛИКС. Все-таки этот Гальперин безобразник.

Звонок телефона.

ГАЛЯ (*берет трубку*). Семенова нет. Семенов в столовой. Нет, просто мы задерживаемся после работы, он пошел поужинать. Ясно. (*Вешает трубку.*) Владик – к Гальперину! (*Уходит, за нею Владик.*)

В комнате ЕВДОКИМОВ и ФЕЛИКС.

ФЕЛИКС. Прочитал в «Лепр франсэз», что итальянские стюардессы избрали своей покровительницей святую Боннету. Это была самая длинноногая из всех святых. Кроме того, она имела склонность к путешествиям.

Молчание.

Я тебя видел с ней.

ЕВДОКИМОВ. С кем, с ней?

ФЕЛИКС. Со святой Боннетой, естественно. Ты ее провожал. Мы со святой Боннетой живем в одном доме. Соседствуем, так сказать.

Молчание. Разряды.

ЕВДОКИМОВ. Что ж, ты ее хорошо знал?

ФЕЛИКС. Неплохо знал.

ЕВДОКИМОВ. Да?

ФЕЛИКС. Да. (*Насмешливо.*) Мы с ней дружили. Мы ходили вместе в кино и на каток, читали вслух статьи об интеллектуальных машинах. (*С пафосом.*) Вот я считаю, что дружба.

ЕВДОКИМОВ (*резко встал*). Ты врешь! Все врешь!

ФЕЛИКС (*отступая, свалил стул*). Вру.

ЕВДОКИМОВ (*бешено*). Ты Топтыгин. Ясно?! Говори: «Я

Топтыгин!..»... Не скажешь, да?

ФЕЛИКС (*очень спокойно*). Скажу. Я Топтыгин. Все? (*Поправляя галстук, так же спокойно.*) Она – настоящая. Это не так часто бывает. Ее мать выгнала из дому. Из-за тебя. Ты это учти.

ГАЛЯ (*заглядывая в дверь*). Семенов не возвращался?.. Что это у вас стулья на полу? (*Исчезает.*)

ФЕЛИКС. Это – диалектика жизни. Она такова. Когда ко-ни сытые – они бьют копытами. (*Уходит.*)

Евдокимов один, возвращается ВЛАДИК. Глядит на стул, лежащий на полу. Поднимает, потом набирает номер телефона.

ВЛАДИК. Это из семьдесят девятой лаборатории. Здесь заказывали машину на «Альфу». Хорошо, жду вашего звонка по сорок девятому. (*Положил трубку.*) Очень сильная статья у этого Эшби. Охватывает страх, что никогда не сумеешь так мыслить. Понимаешь, мысль...

ЕВДОКИМОВ. Удивительно. Раньше мне очень нравилась твоя манера постоянно все анализировать. Теперь она меня раздражает. Почему?

ВЛАДИК. С возрастом люди становятся примитивнее.

ЕВДОКИМОВ. Ты очень похож на английского физика. И еще тебе бы очень пошла пыжиковая шапка. Есть люди, просто созданные для пыжиковых шапок.

Звонок по телефону.

ВЛАДИК (*берет трубку*). Хорошо. «Волга», 15–53?.. Я

сейчас выхожу, спасибо. *(Положил трубку, невозмутимо.)*
У всех у нас за неделю скапливается большое количество лишних эмоций. Они мешают нам мыслить. Короче – одни играют на трубе. Другие бросают стулья на пол. Но все мы так или иначе избавляемся от лишних эмоций.

Молчание.

Ты, вероятно, хочешь меня о чем-то попросить?

ЕВДОКИМОВ *(засмеялся)*. Как ты догадался?

ВЛАДИК. Когда нормальные люди хотят о чем-то попросить, они становятся предупредительными. А ты становишься невыносим. Ненавидишь просить.

ЕВДОКИМОВ *(совсем развеселившись)*. Владька, ты отличный парень. Понимаешь, сегодня прилетает один человек. Мы с ней должны встретиться у метро «Динамо». В половине седьмого. А Семенов сегодня затеял работать. Короче, у меня горит свидание.

ВЛАДИК. У тебя их мало горело?

ЕВДОКИМОВ *(небрежно)*. Да нет, я мог бы наплевать. Но оказалось, что этому человеку негде будет сегодня ночевать. Ты не сможешь подъехать к метро и передать записочку?

ВЛАДИК. Исключается. В половине седьмого я должен быть на «Альфе». *(Идет к дверям, повернулся.)* Что касается комнаты, я могу отдать свою. И переехать пока к брату.

ЕВДОКИМОВ. Спасибо. Ты чуткий. Но это не понадобится. У меня родичи на юге.

ВЛАДИК. Ну, я рванулся.

ЕВДОКИМОВ. Рвись.

ВЛАДИК уходит. Часы бьют шесть. Евдокимов снимает с вешалки свой плащ. В комнату входит СЕМЕНОВ, за ним ГАЛЯ.

СЕМЕНОВ *(глядит на одевающегося Евдокимова)*. Вы что, Евдокимов?

ЕВДОКИМОВ. Простите, Петр Сергеевич, я, к сожалению, должен отлучиться на часок.

СЕМЕНОВ. Вы сошли с ума, да?

ЕВДОКИМОВ. Нет, я не сошел. Мне просто нужно отлучиться на часок.

СЕМЕНОВ. То есть как это «отлучиться»? У нас, кажется, опыт на днях, забодай вас комар. Последние дни.

ЕВДОКИМОВ. Я вернусь через час.

СЕМЕНОВ. Я договорился с вами: без «ля-ля». Договорился?... Я не разрешаю вам. Точка.

ЕВДОКИМОВ. Так я пошел, Петр Сергеевич? Я через час вернусь.

СЕМЕНОВ. Идите.

ЕВДОКИМОВ уходит.

Вот черт!.. *(Начинает расхаживать по комнате.)* Ладно, всякое бывает. *(Расхаживает.)* Да. Мне нужно с вами поговорить, Галя. Это лучше сейчас. *(Резко, безапелляционно.)* Существует инструкция шестьдесят седьмого года. Женщинам работать на установках типа «Альфа» при намечаемых нами условиях. Короче, есть приказ: вас придется освобож-

дать от опыта.

ГАЛЯ (*помолчав*). Что ж, переживу.

Вновь молчание. Разряды слышнее.

Вы очень любите Евдокимова, Петр Сергеевич. Он вас тоже. Крайне трогательно. Евдокимов – способный человек?

СЕМЕНОВ. У него есть интуиция. В конечном счете, ученый отличается от вахтера не знаниями, а интуицией. (*Расхаживает.*)

Разряды.

ГАЛЯ. О чем вы сейчас думаете?

СЕМЕНОВ. О войне. И об интуиции.

ГАЛЯ. Почему у вас такие мужественные мысли?

СЕМЕНОВ. Вы очень похожи на одну девушку, Галя. Я был знаком с ней в войну.

ГАЛЯ (*тихо*). И далее?

СЕМЕНОВ. Далее вступает интуиция. И говорит: что абсолютно не похоже. (*Резко.*) Вам придется завтра съездить на «Альфу» забрать режимы. Но это я вам потом объясню.

Молчание.

(*Расхаживает.*) Все похоже. Все очень похоже.

Молчание.

У меня во дворе стоит дуб и скамейка. (*Думая о чем-то.*) Дуб и скамейка. Да, дуб и скамейка.

ГАЛЯ. Я уже усвоила: дуб и скамейка.

СЕМЕНОВ. И под этим дубом всегда пары сидят. Раньше сидели и теперь. Посидят, посидят. Потом перестанут. По-

том, уже днем, под тот же дуб вывозят коляску. А вечерами на скамейке уже сидит другая пара. Непрерывность жизни. Потом откроешь ночью окно. Их ребенок кричит. А ты слушаешь: орет! Молодец! Порядок!.. Потом затихает, мать, наконец, подошла.

ГАЛЯ. Вы очень впечатлительный, Петр Сергеевич.

Пауза. Разряды.

Скажите, почему вы живете один?

СЕМЕНОВ (*сухо*). Потому что живу один.

Молчание. Разряды.

Вы хорошая девушка, Галя. Только немного язвительная, и сухая. Это мешает.

ГАЛЯ. Вы тоже очень хороший человек, Петр Сергеевич. И даже не язвительный, и не сухой. (*Вдруг почти отчаянно.*) А что толку?! Вот я хорошая. Вы хороший. Мы хорошие. Да кому нужны хорошие? Не любят сейчас хороших!

Оглушительные разряды.

СЕМЕНОВ (*глухо*). Дает Гальперин!..

ГАЛЯ. Вот она, уверяю вас, нехорошая. А он – побежал к ней! Видали как: забыл все и побежал! Потому что – нехорошая!.

Двойной номер в гостинице. У столика с телефоном НАТАША. На кровати спит ИРА (Мышка).

ГОЛОС ТЕЛЕФОНИСТКИ. Москва, говорите.

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. Да.

НАТАША. Алло, кто это?

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. Александр Сергеевич Пушкин, поэт.

НАТАША. Эла, это ты? (*Смеется.*) Элочка, прости, что я не пришла сегодня к метро.

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. Прощаю.

НАТАША. Да нет, мы в Ташкенте сидим. Нам вылета не дают. Элочка, ты был сегодня у метро?

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. Не важно.

НАТАША. Был! Был! Я знаю. (*Смеется.*)

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. Почему это тебя так радует?

НАТАША. Не важно. Просто так. А где ты шляешься допоздна? Я тебе сегодня весь вечер звоню – никто не подходит.

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. На работе был до одиннадцати.

НАТАША. Это хорошо. Ты давай там работай шустрее, чтобы девушка могла тобой гордиться. Да, я сейчас начала читать. Ой, ты знаешь. Я это тебе потом расскажу. (*Смеется.*) Мне почему-то стало очень хорошо жить.

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. Серьезно?

НАТАША. Ага. Ну как твои дела-то?

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. Хороши. А твои?

НАТАША. В порядке. О какой чепухе мы сейчас говорим.

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. Ну а ты как живешь? Небось веселишься направо и налево.

НАТАША (*чуть задумалась*). Да. Веселюсь так, что пыль летит.

Молчание.

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. Серьезно?

НАТАША. Абсолютно. (*Усмехнувшись.*) Ты даже не представляешь, как я развернулась.

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. Приедешь – расскажешь.

ГОЛОС ТЕЛЕФОНИСТКИ. Последняя минута.

НАТАША. Эла, ну, я тебя... ну, в общем...

ГОЛОС ЕВДОКИМОВА. В общем, ты меня целуешь, и я тебя тоже. Как прилетишь, позвони.

НАТАША. До свидания, Элочка.

Гудки в трубке. Наташа задумалась. Стук в дверь.

Входит КАРЦЕВ.

КАРЦЕВ. Вылетаем завтра в ноль тридцать.

НАТАША. Премиленько. Хочешь яблочка?

КАРЦЕВ. Мышь!

НАТАША (*торопливо*). Спит, спит.

КАРЦЕВ. Люблю людей, которые умеют рано засыпать. Жить будут долго. (*Берет со стола брошюру, читает.*) «Программа для поступающих на филологический факультет МГУ». Чего это ты?

НАТАША. Понимаешь, Левушка, я очень некультурная. Запас слов у меня маловат.

КАРЦЕВ. Понятно. Решила учиться в самолете.

НАТАША. Ага. Буду схватывать на лету. (*Смеется.*)

КАРЦЕВ. Обожаю твой смех. Остроумная девушка. Остроумная женщина.

НАТАША. Под газом?

КАРЦЕВ. Несущественно. Ты читала Сент-Экзюпери? Я люблю Сент-Экзюпери. Он был летчиком. Он летал над землею людей. Ему было до чертиков одиноко в воздухе. Он стал писать. Он был настоящий мужчина. Он хотел выразить идею. *(Громко.)* Мышь!

НАТАША. Тс!.. Ну ты же видишь! Человек спит. Обязательно надо кричать.

КАРЦЕВ. Я к тебе заезжал перед полетом. Хотел тебя подвезти на аэродром.

НАТАША. Да?

КАРЦЕВ. Тебя выгнала из дому мать.

НАТАША. Все?

КАРЦЕВ. Нет. Начнем с того, что я тебя сейчас поцелую.

НАТАША. Ты для этого выпил?

КАРЦЕВ. Начнем с того, что пока с вами ведешь себя как человек, вы.

НАТАША. Ты очень хочешь сказать гадость?

Он молча встал.

(Ловя последнее мгновение, резко и повелительно.) А ну, сядь! Быстро!

КАРЦЕВ *(сел, стараясь небрежно)*. Не бойся.

НАТАША. Я не боюсь.

КАРЦЕВ. Боишься. Тогда ты тоже боялась. Я помню, как мы с тобой тогда горели... над степью. Ты ужасно боялась – и никто этого не заметил. Ты улыбалась – ты умеешь скрывать

страх. Ты – «молоток».

НАТАША. «Молотки» пошли. Сплошной «Аэрофлот».

КАРЦЕВ. И еще я тебя любил за то, что ты была.

Когда при тебе говорили гадости, ты уходила и ревела. Как же ты...

НАТАША. Не надо. Ты ведь ничего не знаешь, Левочка.

КАРЦЕВ. Сент-Экзюпери – человек. Ты его почитай. Прости, я хотел совсем по-другому.

НАТАША. Знаю.

КАРЦЕВ (*вдруг резко*). Слушай! Все ясно! Только одного я не понимаю: какого дьявола ты посылала мне поздравления на каждый праздник?! Какого дьявола...

НАТАША. Не надо ругаться. Ну почему все надо понимать наоборот? Просто всем знакомым на праздники я посылаю открытки. Людям приятно, когда о них помнят. В жизни не так уж много тепла. В прошлый Новый год я послала девяносто две открытки.

КАРЦЕВ. Восторженная дуреха!

НАТАША. Не надо. Если у меня есть друг на свете, то это, наверное, – ты.

КАРЦЕВ. А когда-нибудь, не сейчас...

НАТАША. Не надо!

КАРЦЕВ. Значит, в следующий раз полетишь на спецрейсах?

НАТАША. Ага.

КАРЦЕВ. Ну, прощай, Наташка. (*Пошел к дверям, вдруг*

повернулся.) Наташка, поцелуй меня на прощанье... сама.

НАТАША. Поцеловать, да?

КАРЦЕВ. Да. Только в губы.

НАТАША. В губы?

КАРЦЕВ. Не бойся.

НАТАША. Я не боюсь. *(Подходит, целует его.)* Какой ты смешной товарищ.

КАРЦЕВ. Все-таки ты лучшая девушка Москвы и Московской области.

НАТАША. Я тебя прошу, будь с ней *(кивает на кровать, где спит Ира)* человеком. Понимаешь, Левушка, что бы ни случилось, главное – уметь остаться человеком.

КАРЦЕВ *(помолчав)*. Экзюпери я тебе подарю. *(Уходит.)*

Ира садится на кровати.

НАТАША. Ты не спала?

ИРА. Нет, я не спала.

НАТАША. Это даже хорошо.

ИРА. Да, это хорошо! Ты лучшая Московской области! А ну-ка, идем, идем к зеркалу! *(Лихорадочно.)* Сними каблуки.

Наташа подходит к зеркалу, покорно снимает туфли.

(Надевает их.) Вот я уже такого роста, как ты или даже чуть выше!

Она не доходит на каблуках даже до виска Наташи.

НАТАША. Да, чуть выше, Мышь.

ИРА. И лицо у меня... Какое у меня лицо, разбирай меня!

НАТАША. У тебя удивительное лицо.

ИРА. Красивое!

НАТАША. Больше чем красивое. У тебя родное лицо, Мышь. И ноги у тебя отличные.

ИРА. Талия у меня сорок восемь! А ты туфли всегда ко-собочишь! Лицо у тебя – глупое! И мать тебя выгнала! И до-ма ты не ночуешь! Так почему же?!

НАТАША. Ну зачем... Мышка?

ИРА. И всегда ты смеешься. А я знаю, отчего ты всегда смеешься. Все знаю. *(Торжествующе.)* Потому что если ты перестанешь смеяться, ты задумаешься над своей жизнью! И тогда ты умрешь! И я не позволяю называть себя мышью!

Они обе молчат.

ИРА (тихо, сквозь слезы). Наташа.

НАТАША. Да, Ира.

ИРА. Сходим вечером в кино?

НАТАША. Конечно.

ИРА. Ты прости.

НАТАША. Выключи свет.

Ира щелкает выключателем. Темнота.

Ты права, Мышонок. Во всем.

ИРА. Зачем, Наташа?

НАТАША. Ты послушай. Полезно. В восемнадцать лет мы ужасные дуры. Кино, книжки – все про него. И вот мы ждем его. Необыкновенного его.

ИРА. Ну зачем, Наташа?

НАТАША. Молчи, слушай, слушай. Это для тебя, Мышо-

нок. И вот — он. Наш первый. И вот уже все случилось, потому что мы все ему готовы отдать, — ну он и берет. А оказалось, он — так, обычный. Многие ошибаются в первом. Понятно, ведь первый. Да и глупые мы еще. Ох, какие мы глупые. Но ведь все случилось. И тебе уже кричат со всех сторон: «Безнравственно! Ты что, девкой хочешь стать? Немедленно выходи за него замуж!» Дома, вокруг. И ты унижаешься, делаешь вид, что боготворишь его по-прежнему, — только бы он женился. И не дай бог, если он женится, потому что тогда ну, я видела эти семьи.

ИРА. Зачем, зачем, Наташка!..

НАТАША. Дальше, он не женился. На все тебе стало наплевать. Но одной трудно. У всех ведь есть он. Как же отстать-то! И еще — ошибочка. И еще. Но вот однажды ты говоришь себе: «Стоп! Стоп!» С этой минуты ты уже живешь одна. И ты начинаешь смеяться, и сама уже веришь, что тебе теперь все до лампочки! И твой девиз теперь: «Выдержка, выдержка и еще раз выдержка». Но иногда бывает очень трудно. Идут девчонки с цветами. Ты тоже идешь с цветами. Только ты их сама себе подарила. Но самое трудное — это жить без кумира. Даю тебе слово, ужасно трудно. И вот однажды выдержка погорела. Я его увидела сначала в Политехническом. Он там неплохо выступал. Здорово выступал. Невероятно одухотворенный товарищ. Кумир! Но для него это все это... так. Я бы его бросила, честное слово, как ни трудно! Но иногда мне кажется, что я для него. Знаешь,

мы ехали в такси, и он положил мне голову на плечо. Вот я бы никому не положила так голову на плечо!.. Потому что – выдержка. Главное, Мышь, ты не торопись. Все успеется. И никогда не теряй достоинства. Вот я проверю. Если я действительно для него просто... я уйду. Возьму и совсем уйду! (Включает свет.) А! Все бабья болтовня.

ИРА. Наташка, неужели мы расстанемся!.. Обидно!

НАТАША. Нет, это здорово, Мышонок. Нам теперь никогда не будет так хорошо, как прежде. Никогда.

Ира вдруг прижалась к ней.

Ну что?.. Что, глупая Мышь?..

ИРА (*торжественно*). Я хочу, чтобы ты была счастливой. Будь, Наташа, за всех!

НАТАША. Какие могут быть разговоры. Конечно, буду, и ты тоже, ладно?

ИРА. И я тоже. Ладно.

Часть вторая

Квартира Евдокимова.

ЕВДОКИМОВ и НАТАША. Она только что вошла, ее плащ брошен на диван. Наташа в форме стюардессы. На стуле ее чемоданчик.

НАТАША. Эла, дай, пожалуйста, кувшин. Я поставлю гвоздики. Кстати, у меня здесь еще веточка эвкалипта. Она очень славно пахнет. *(Выкладывает из чемодана на стол завернутую в целлофан эвкалиптовую ветку, потом достает из чемодана бесконечные яблоки.)* Знаешь, яблоки в Ташкенте – просто чудо. Что ты на меня так смотришь?

ЕВДОКИМОВ. Я еще никогда не видел тебя в форме. *(Усмехнулся.)* Стюардесса!

НАТАША. Не люблю этого слова. Я бортпроводница, понятно?.. Слушай, Элочка, дай какой-нибудь другой кувшинчик, а то этот уж очень облезлый.

ЕВДОКИМОВ. Поставь в бутылку. Какой у тебя великолепный орел на груди.

НАТАША *(рассмеялась)*. Нет, это просто птичка, Эла. «Питичка», как ее у нас называют. Хватит «Аэрофлота». *(Удовлетворенно оглядывает цветы на столе.)* Очень прилично, по-моему.

ЕВДОКИМОВ. Иди сюда.

Она подходит, он положил руки на плечи, так они стоят

посередине комнаты.

Здравствуй, Наташа!

НАТАША. Здравствуй, Эла!

ЕВДОКИМОВ. Как ты жила, Наташа?

НАТАША. Знаешь, неплохо.

ЕВДОКИМОВ. Да? (*Стараясь шутливо.*) Небось, веселилась в Ташкенте. Чего это ты мне по телефону болтала?

НАТАША. Ты как жил?

ЕВДОКИМОВ. Нормально. Через четыре дня опыт.

НАТАША. А я сегодня улетаю, в ноль тридцать.

ЕВДОКИМОВ. Чего это ты скачешь с рейса на рейс?

НАТАША. Долг зовет.

ЕВДОКИМОВ. А я знаю, почему ты скачешь с рейса на рейс.

Молчание.

Тебе жить негде. Тебя мать из дому выгнала.

Пауза.

НАТАША. Чепуха какая. Если я захочу, я с мамой сразу помирюсь. Приду и скажу: «А!» – и помирюсь. Откуда ты знаешь, что меня выгнали?

ЕВДОКИМОВ. Я все знаю. Ты к этому привыкни. Что ж ты от меня утаила, Топтыгин?

НАТАША. А! Я вообще считаю, что никому не интересно слушать о чужих несчастьях. У людей своих хватает. Терпеть не могу, когда жалуются, и хватит об этом, ладно?

ЕВДОКИМОВ (*величественно*). У меня в записной книж-

ке есть телефоны трехсот шестнадцати друзей. Они все сейчас ищут тебе комнату. К десяти вечера мы ее снимем.

НАТАША. Знаешь, Элочка, давай договоримся: ты сообщи своим тремстам и шестнадцати друзьям, чтобы они ничего не искали. Я вообще одолжений не принимаю. Разве что от очень-очень близких друзей.

ЕВДОКИМОВ. А я не «очень близкие друзья»?

НАТАША. Нет. Ты только мой любимый мужчина. Но ты не мой друг.

ЕВДОКИМОВ. Ты точно это знаешь?

НАТАША. К сожалению, точно. Во всяком случае, я сегодня это проверю.

ЕВДОКИМОВ. Подожди, я только повешу картину, и ты начнешь проверять. *(Прикалывает к стене плакат «Летайте самолетами “Аэрофлота”».)*

На плакате изображена стюардесса. Внизу надпись карандашом «Приветик, Наташа!»

НАТАША *(смеется)*. Почему всегда нужно издеваться?

ЕВДОКИМОВ. Есть картина. Обстановка создана. Сейчас я буду петь песни.

НАТАША. Какие песни?

ЕВДОКИМОВ. Ты не знаешь самого главного: я сочиняю песни. Нет, совершенно серьезно. У нас в академгородке все поют мои песни. Представляешь, картиночка: сидят доктора наук, пожилые, лысые... и поют... про пиратов.

НАТАША. А почему про пиратов?

ЕВДОКИМОВ. Вполне естественно. Они очень положительные люди. В жизни они были начисто лишены буйства, что ли. А в этих песнях для них и удаль, и буйство. Страшно смешно.

НАТАША. Только не надо говорить так самоуверенно. Все люди в какой-то мере смешные. Кстати, ты тоже.

ЕВДОКИМОВ *(на плакат)*. Она ничего девочка.

НАТАША. Да ну тебя. Я ужасно хочу уничтожить твою самоуверенность.

ЕВДОКИМОВ. Это невозможно. Поцелуй меня. Ну!

НАТАША. Не хочу.

ЕВДОКИМОВ. Ну!

Наташа целует. Начали песню.

*Время стекает со стрелок часов,
А часы все бормочут насмешливо.*

Дальше я еще не сочинил. Там будет кусок о нежности. Нежность. Ее все время стыдятся. Ее прячут далеко в боковой карман. И вынимают в одиночестве по вечерам. Чтобы посмотреть, как она истрепана за день – наша нежность. И еще о смерти. «Не бойтесь смерти. Смерть – это так, добродушный сторож в парке, который сгоняет со скамеек засидевшихся влюбленных. А они не хотят уходить, а смерть все причитает надоевшим голосом: “Попрошу на выход, закрывается”». Это будет лучшая песня в СССР. Я ее сочиню для тебя.

НАТАША. Спасибо, Эла.

ЕВДОКИМОВ. Ну все-таки: что же было с тобой в Ташкенте?

НАТАША. Я вот точно знала, что ты все время хочешь задать этот вопрос.

ЕВДОКИМОВ. Просто интересно. Из психологических соображений.

Наташа повернулась спиной. Весь дальнейший разговор она ведет спиной к нему, потому что она не в силах видеть его лицо.

Так что же там было?

НАТАША (*весело*). Ничего особенного. Увлеклась одним летчиком.

ЕВДОКИМОВ (*стараясь небрежно, но голос у него срывается*). Ну... и дальше?..

НАТАША. Чепуха. Поцеловались немного.

ЕВДОКИМОВ. Ну... и дальше?..

НАТАША. Перестань.

ЕВДОКИМОВ. Мне-то, собственно, все равно. Я просто.

НАТАША. Да, ты из чисто психологических соображений.

Молчание.

Ты молодец, я бы так не сумела.

ЕВДОКИМОВ (*почти яростно*). И что же... серьезное было?!

НАТАША. По-моему, ты сам учил: не ханжить.

ЕВДОКИМОВ. Нет, ты.

НАТАША. Ну было! Было! Что с того?! И вообще, какое это имеет значение? И прекратим этот глупый разговор.

Молчание.

Эвкалипточка очень славно пахнет.

Молчание.

О чем ты сейчас думаешь?

ЕВДОКИМОВ. О работе. У нас там старик Гальперин взрывает проволоочки. Очень непонятный эффект. (С *ненавистью*.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.